ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

А.А. АЛЕХИН

АРИЙСКИЕ И ЕВРЕЙСКИЕ ШАХМАТЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые в России опубликованная отдельной брошюрой работа четвёртого чемпиона мира по шахматам (первого Русского чемпиона!) Александра Александровича Алехина является русским переводом сенсационной статьи в парижской газете «Паризер цайтунг» («Panzer Zeitung», «Arisehes und judisches Schach», 18–23.03.1941), шокировавшей неискушённую публику.

Но именно эта незаслуженно забытая статья величайшего Русского шахматиста, умершего непобеждённым, и стала, скорее всего, причиной его смерти.

Для широкого круга читателей.

- Александр Алехин
  - ○
  - ○ АРИЙСКИЕ И ЕВРЕЙСКИЕ ШАХМАТЫ
    - ■ Часть I
      - ■ Ласкер совершил плагиат по отношению к великому Морфи
      - ■ Шахматная драма Европы
      - ■ Способны ли евреи как раса к шахматам?
      - ■ «Блестящие» партии против слабых соперников
      - ■ Воспитанный в ненависти к «гоям»
      - ■ Он не хотел поддаваться влиянию соперника
    - ■ Часть II. Арийская атакующая идея
      - ■ «Игра в два отверстия» умерла раньше Рети
      - ■ Бедная шахматная Америка
      - ■ Шахматный феномен Капабланки
      - ■ Решающей является матовая идея!
    - ■ Часть III. Еврейские шахматы повержены
      - ■
      - ■ Морфи — человек, который слишком рано родился
      - ■ Андерсен — жертва жертвы
      - ■ Чигорин — первая жертва международной плутократии
      - ■ Пильсбери — человек, который родился слишком поздно
      - ■ Сопротивление Алехина еврейским шахматам

        - Арнольд Нимцович — претендент на титул чемпиона мира
        - Д- р Эйве — игрушка в руках евреев
    - БИОГРАФИЯ
        - Детство, юность
        - Первая Мировая война
        - Жизнь в Советской России
        - Путь к шахматной короне
        - Чемпион мира
        - Разрыв с Советской Россией
        - Продолжение шахматной карьеры
        - Потеря и возвращение чемпионского звания
        - Предвоенные годы
        - Война
        - Последние годы жизни
        - Творчество
    - УБИЙСТВО
    - ПРИЛОЖЕНИЕ
    - НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

Александр Алехин
АРИЙСКИЕ И ЕВРЕЙСКИЕ ШАХМАТЫ

Шахматы похожи на жизнь, только жизнь — тотальная война, а шахматы — война ограниченная.

Роберт Фишер

Александр АЛЕХИН

АРИЙСКИЕ И ЕВРЕЙСКИЕ ШАХМАТЫ

Москва
«Русская Правда»
2009

АРИЙСКИЕ И ЕВРЕЙСКИЕ ШАХМАТЫ

Часть I

Ласкер совершил плагиат по отношению к великому Морфи

Можно ли надеяться, что со смертью Эммануила Ласкера смертью второго и, по всей вероятности, последнего еврейского чемпиона мира по шахматам — арийские шахматы, которые из-за еврейской оборонительной идеи пошли по ложному пути, вновь найдут дорогу к всемирным шахматам? Позвольте мне не быть в этом вопросе слишком оптимистичным, ибо Ласкер пустил корни и оставил нескольких последователей, которые смогут нанести мировой шахматной мысли ещё немало вреда.

Э. Ласкер.

Большая вина Ласкера как ведущего шахматиста (не хочу и не могу о нём говорить как о человеке и «философе») имеет много сторон. После того как он победил с помощью своего тактического умения Стейница, бывшего на 30 лет старше (впрочем, это было забавным зрелищем — наблюдать за обоими изощрёнными тактиками, которые пытались внушить шахматному миру, будто они являются великими стратегами и первооткрывателями новых идей!), он ни одной минуты не думал о том, чтобы передать шахматному миру хотя бы одну собственную творческую мысль, а удовлетворился тем, что издал в виде книги серию прочитанных им в Ливерпуле лекций под заголовком «ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ В ШАХМАТАХ».

В этих лекциях, в этой книге Ласкер списал у великого Пола Морфи его идеи о «борьбе за центр» и об «атаке как таковой». Ибо шахматному маэстро Ласкеру была чужда сама идея атаки как радостной, творческой идеи, и в этом отношении Ласкер был естественным преемником Вильгельма Стейница, величайшего шута, которого когда-либо знала шахматная история.

Что, собственно, представляют собой еврейские шахматы, еврейская шахматная мысль? На этот вопрос нетрудно ответить:

1) материальные приобретения любой ценой;

2) оппортунизм, доведённый до крайности, оппортунизм, который стремится устранить всякую тень потенциальной опасности и поэтому раскрывает идею (если это вообще можно назвать идеей) «защиты как таковой!». С этой идеей, которая в любой разновидности борьбы равнозначна самоубийству, еврейские шахматы — имея в виду их будущие возможности — сами себе выкопали могилу.

Потому что при помощи глухой защиты можно при случае (и как часто?) не проиграть — но как с её помощью выиграть? Пожалуй, можно было бы на этот вопрос ответить так: благодаря ошибке соперника. А что если эта ошибка не будет допущена? Тогда стороннику «защиты любой ценой» ничего другого не останется, как плакаться, жалуясь на «непогрешимость» соперника.

На вопрос о том, как оборонительная мысль пускает корни, ответить не вполне легко. Во всяком случае, в Европе между наполненными огнём и духом матчами Лабурдонне — Мак-Донелл и появлением Андерсена и Мэрфи был период шахматного упадка, глубочайшая точка которого приходится, пожалуй, на матч Стаунтон — Сент-Аман. Этот матч закончился победой Стаунтона, и тем самым этот англичанин завоевал себе законное место в шахматной истории XIX века. В те самые минуты, когда я пишу эти строки, у меня перед глазами лежит книга Стаунтона, посвящённая первому всемирному международному турниру, состоявшемуся в 1851 году в Лондоне и выигранному гениальным немецким мастером Андерсеном.

Результат этого соревнования, который по существу олицетворял победу наших агрессивных боевых шахмат над англо-еврейской концепцией (в 1-м туре Андерсен разгромил польского еврея Кизерицкого), «теоретик» Стаунтон в своей книге для английской публики отнёс его к чисто случайному стечению обстоятельств. Он, Стаунтон, якобы чувствовал себя нездоровым, так как перегрузил себя организационными делами турнира, и т. д. и т. п., то есть обычный, очень хорошо знакомый оправдательный лепет! Поражение же, которое Андерсен нанёс Стаунтону, представляло собой нечто гораздо большее, нежели исход борьбы между двумя шахматными мастерами: это было поражением англо-еврейской оборонительной идеи, нанесённой ей немецко-европейской идеей наступательной борьбы.

Шахматная драма Европы

Вскоре после этой победы Андерсена Европа пережила

шахматную драму: гений столкнулся с ещё большим гением из Нового Орлеана. Сама по себе эта драма ещё не переросла в трагедию, ибо игра Морфи в шахматы была игрой в шахматы в полном смысле этого слова. Но, во-первых, Морфи вскоре после своей блестящей победы сошёл с ума и тем самым был потерян для шахмат, а, во-вторых, Андерсен так и не смог оправиться после поражения от Морфи и в 1866 году, не проявив особого боевого духа, уступил шахматный скипетр еврею Стейницу. Чтобы ответить на вопросы, чем, собственно, был Стейниц и почему он заслужил играть в наших шахматах ведущую роль, необходимо, как ни странно, ближе рассмотреть вопрос ШАХМАТНОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА.

В. Стейниц.

Дело в том, что в любом жанре искусства — а шахматы, невзирая на то что в их основе лежит борьба, являются творческим искусством — существует два вида профессионалов. Прежде всего, это те, кто приносит своему делу в жертву всё остальное, что дарует человеку жизнь, лишь бы иметь возможность посвятить себя предмету своей страсти. Таких «жертв искусства» невозможно осуждать за то, что они зарабатывают свой хлеб насущный тем, что является смыслом их жизни.

Ибо они в избытке дарят людям эстетическое и духовное наслаждение. Совсем иначе обстоит дело у другого, можно смело сказать, — «восточно-еврейского» типа шахматного профессионала. Стейниц, по происхождению пражский еврей, был первым из этого сорта и быстро, слишком быстро, создал свою школу.

Способны ли евреи как раса к шахматам?

Имея тридцатилетний опыт, я бы ответил на этот вопрос так: да, евреи чрезвычайно способны к использованию шахмат, шахматной мысли и вытекающих из этого практических

возможностей. Но подлинного еврейского шахматного художника до сих пор не было. В противоположность этому я хотел бы, упомянув только тех, кто был на самой вершине, перечислить следующих творческих представителей арийских шахмат: Филидор, Лабурдонне, Андерсен, Морфи, Чигорин, Пильсбери, Маршалл, Капабланка, Боголюбов, Эйве, Элисказес, Керес. «Еврейский урожай» за тот же исторический период весьма скуден. Кроме Стейница и Ласкера, заслуживает некоторого внимания деятельность следующей группы (в исторической последовательности): в период декаданса, в период царствования Ласкера (1900–1921) — отметим три имени, а именно Яновский, Шлехтер и Рубинштейн.

«Блестящие» партии против слабых соперников

Постоянно живший в Париже польский еврей Давид Яновский был, пожалуй, типичнейшим представителем этой группы. Ему удалось найти во французской столице мецената в лице другого еврея, голландского «художника» Лео Нардуса. Тот в течение 25 лет не выпускал Яновского из рук.

Д. Яновский.

Кто-то в США показал этому Нардусу несколько партий Морфи, связанных с жертвами. После этого Нардус начал молиться только на Морфи и требовать от своего подопечного Яновского только так называемых «красивых партий». Что ж, Яновский поневоле создавал «блестящие партии», но, как вскоре выяснилось, только против более слабых соперников.

В игре с подлинными мастерами его стиль был таким же деловитым, сухим и материалистичным, как и у 99 процентов его собратьев по расе. Серьёзным соперником он для Ласкера никогда не был, и тот побеждал его с лёгкостью.

В этой связи уместно указать на одну из особенностей

«таланта» Ласкера, а именно — избегать опаснейших соперников и встречаться с ними только тогда, когда они вследствие возраста, болезни или потери формы становились для него неопасными. Примеров подобной тактики предостаточно, например, уклонение от матчей с Пильсбери, Мароци и Таррашем, принятие вызова последнего только в 1908 году, когда о победе Тарраша уже не могло быть и речи. Отметим и короткий матч со Шлехтером в 1910 году; ничейный результат этого соревнования был задуман как приманка для более длительного и соответственно оплаченного матча на первенство мира. Вопрос о Шлехтере поэтому заслуживает особого внимания, поскольку в галерее еврейских шахматных мастеров этот человек стоит в значительной степени особняком.

Шахматист без воли к победе, лишённый честолюбия, всегда готовый принять предложенную ничью, он получил от Ласкера прозвище «шахматиста без стиля». Наилучшей иллюстрацией отрицательного влияния чемпиона мира Ласкера является именно то обстоятельство, что эта лишённая темперамента и стиля «шахматная машина» в период с 1900 по 1910 год добилась наибольшего числа побед в турнирах.

Воспитанный в ненависти к «гоям»

Третьим еврейским конкурентом Ласкера был мастер из Лодзи Акиба Рубинштейн. Будучи воспитан в строго ортодоксальном духе с талмудической ненавистью к «гоям», он уже с начала своей карьеры был одержим тем, чтобы истолковать свою склонность к шахматам как своего рода «миссию». Вследствие этого он, будучи молодым человеком, принялся изучать шахматную теорию с такой же страстью, с какой он мальчиком впитывал в себя талмуд.

А. Рубинштейн.

А происходило это в такой период шахматного декаданса, когда на мировой шахматной арене царствовала так называемая венская школа (видевшая секрет успеха не в победе, а в том, чтобы не проигрывать), которую основал еврей Макс Вайс и которая пропагандировалась еврейским трио: Шлехтер — Кауфманн — Фендрих.

Не удивительно, что Рубинштейн, который в этот период всё же имел лучшую дебютную подготовку, чем его турнирные соперники, сразу же после своего появления на международной турнирной сцене начал праздновать впечатляющие победы. Самым значительным его успехом, пожалуй, был делёж 1-го места с Ласкером в Санкт-Петербурге в 1909 году, в памятном турнире, на котором я в 16 лет присутствовал в качестве зрителя. С этой вершины и последовало сначала едва заметное, а затем становившееся всё более явным падение Рубинштейна. Хоть он и изучал неустанно теорию, хоть он и достигал благодаря этому частичных успехов, тем не менее, ощущалось, что эта учёба всё-таки превосходит возможности его хоть и способного к шахматам, но в остальном весьма посредственного мозга.

Вот так и случилось, что я, попав после четырёхлетнего советского опыта в Берлин, встретил там Рубинштейна, ставшего гроссмейстером только наполовину и человеком только на одну четверть. Его мозг становился всё более затуманенным частично манией величия, частично манией преследования.

Примером может служить следующий анекдот: в конце того же 1921 года благодаря усилиям Боголюбова в Триберге был организован небольшой турнир, в котором участвовал и Рубинштейн. Как это принято, по окончании каждой партии она анализировалась её участниками. Однажды при таком анализе (я был директором турнира) я обратился к Рубинштейну с вопросом: «Почему вы в дебюте избрали этот ход? Он ведь наверняка не столь хорош, как тот, с помощью которого мне несколько месяцев тому назад удалось победить Боголюбова и который мы с вами совместно проанализировали».

Он не хотел поддаваться влиянию соперника

«Да, — ответил Рубинштейн, — но ведь это чужой ход!». Короче говоря, в этот период только его шахматы что-либо значили для него. В последние 10 лет его деятельности (1920-30 гг.) он, хоть и сыграл несколько хороших партий, хоть и добился кое-каких успехов, тем не менее всё сильнее страдал манией преследования. В последние 2–3 года своей шахматной карьеры он, сделав ход, сразу же буквально

убегал от шахматной доски, сидел где-нибудь в углу турнирного зала и возвращался к доске лишь после того, как его соперник делал ответный ход. Своё поведение он сам объяснял так: «Чтобы не поддаваться влиянию соперника». В настоящее время Рубинштейн находится в Бельгии, но для шахмат он мертвец навсегда. Рижский еврей Аарон Нимцович относится скорее к эпохе Капабланки, нежели к эпохе Ласкера. На его инстинктивную антиарийскую шахматную концепцию странным образом — подсознательно и вопреки его воле — влияла славянско-русская наступательная идея (Чигорин!).

А. Нимцович.

Я говорю подсознательно, ибо трудно даже представить себе, как он ненавидел нас, русских, нас, славян! Никогда не забуду краткого разговора, который был у нас с Нимцовичем в конце турнира в Нью-Йорке в 1927 году.

На этом турнире я его опередил, а югославский гроссмейстер проф. Видмар уже неоднократно побеждал его в личных встречах. Из-за этого он страшно злился, однако не посмел оскорблять нас непосредственно. Вместо этого он однажды вечером завёл разговор на советскую тему, глядя в мою сторону, сказал: «Кто произносит слово СЛАВЯНИН, тот произносит слово РАБ»[1]. Я ответил ему на это такой репликой: «Кто произносит слово ЕВРЕЙ, тому к этому, пожалуй, нечего и добавить». Нимцович приобрёл в определённых кругах репутацию «глубокого теоретика», главным образом, благодаря публикации двух своих книг, которым он дал заглавие: «Моя система» и «Моя система на практике». По моему глубокому убеждению, вся эта «система» Нимцовича (помимо того, что она отнюдь не оригинальна) покоится на неверных предпосылках. Ибо Нимцович делает не только такую ошибку, как попытка достичь синтетического конца при аналитическом начале, а идёт ещё дальше в своём заблуждении, основывая свои анализы исключительно на личном

опыте и выдавая шахматному миру результаты этих анализов за синтетическую правду в последней инстанции. Пожалуй, кое-что правдивое, кое-что правильное в учении Нимцовича всё же есть. Но авторство этого «правильного» принадлежит не ему, а другим, как старинным, так и современным мастерам. Поэтому здесь происходил сознательный или подсознательный плагиат. Правильной была, во-первых, идея борьбы за центр. Но это понятие ввёл Морфи, а проиллюстрировали его не только блестящие достижения Чигорина, но и победы Пильсбери и Харазека. Правильными далее были, во-вторых, и, в-третьих, такие прописные истины, как целесообразность захвата седьмой горизонтали, а также то, что использование двух слабостей соперника лучше, чем использование только одной…

И вот с помощью таких банальностей Нимцовичу удалось создать себе в Англии и в Нью-Йорке (но не в Америке, ибо еврейский город Нью-Йорк и Америка, слава богу, не идентичны) имя шахматного литератора. Вот такими были те немногие истины, содержавшиеся в его книгах. Наряду с этими истинами там было, однако, и много ложного, и это ложное явилось результатом его шахматной концепции. Ибо всё, что у него было хоть сколько-нибудь оригинальным, несло в себе отрицающий всё творческое трупный смрад. Примеры:

1) его идея «лавирования» есть не что иное, как разновидность уже известного выжидания ошибки соперника по Стейницу и Ласкеру;

2) идея «избыточной защиты» (преждевременной защиты предположительно слабых пунктов), опять-таки чисто еврейская, препятствующая духу борьбы. Иначе говоря, страх перед борьбой! Сомнение в собственных умственных силах — впрямь печальная картина интеллектуального падения! С этим скудным литературно-шахматным наследием Нимцович и сошёл в могилу, покинув немногих последователей и ещё меньшее число друзей (не считая его собратьев по расе).

Житель Прессбурга[2] Рихард Рети имеет перед шахматами те несомненные заслуги, что он довёл идею Нимцовича об избыточной защите до абсурда. Дело в том, что он перенёс теорию контроля над слабыми пунктами даже в дебют независимо от того, как соперник будет развивать свои силы. Ему казалось, будто это достигается фианкеттированием обоих слонов. Рихард Тайхман, немецкий гроссмейстер с необычайно тонким чувством шахмат, назвал это двойное фианкетто «игрой в два отверстия». Всё яснее становится единство разрушительной, чисто еврейской шахматной мысли (Стейниц — Ласкер — Рубинштейн — Нимцович — Реги), которая в течение полувека

мешала логическому развитию нашего шахматного искусства.

Часть II. Арийская атакующая идея

«Игра в два отверстия» умерла раньше Рети

Подобно «Системе» Нимцовича, труд Рети «Новые идеи в шахматной игре» тоже был встречен большинством англоеврейских псевдоинтеллектуалов весьма благосклонно. Особенно сильное впечатление на этих людей произвёл придуманный Рети абсурдный лозунг: «Нас, молодых (ему тогда уже было 34 года!), интересуют не правила, а исключения!». Если эта фраза вообще имеет какой-нибудь смысл, то расшифровывается она следующим образом: «Нам (собственно говоря, мне) слишком хорошо знакомы правила, действующие в шахматах.

Р. Рети.

Их дальнейшим изучением пусть занимается посредственное шахматное стадо. Я же, великий мастер, посвящу себя исключительно тонким, филигранным работам и покажу очарованному шахматному миру блестящие исключения с моими собственными, всё проясняющими комментариями».

Шахматный мир, отравленный еврейскими журналистами, с готовностью проглотил этот дешёвый блеф, эту бесстыжую саморекламу. Громким эхом прокатился радостный крик евреев и юдофилов: «Да здравствует Рети, да здравствуют суперсовременные, неоромантические шахматы!»

Рети умер рано, будучи сорокалетним. Но его идея «игры в два отверстия» умерла ещё раньше тихой бесславной смертью. Нынешние представители еврейской шахматной мудрости не последовали за Рети и предпочли подражать более старым примерам (Стейниц, Рубинштейн). Так, пражанин Соломон Флор в шахматном отношении является продуктом частью боязливой

оборонительной идеи Стейница, частью святой веры во всесилие изучения дебютов и эндшпилей, что было свойственно Рубинштейну. Разница тут только в том, что, в отличие от Рубинштейна, Флор физически и психически здоров и поэтому, вероятно, ещё продержится некоторое время на шахматном Олимпе.

Ройбн Файн, житель Нью-Йорка восточно-еврейского происхождения, бесспорно, разумнее Флора. За счёт еврейской общины Файн воспитывался в коммунистической школе, и поэтому находится если не под шахматным, то уж наверняка под политическим влиянием идей сегодняшней России. Поэтому он и агрессивнее других еврейских мастеров как по характеру, так и по игре в шахматы.

Тем не менее, его общая шахматная концепция чисто традиционна: никакого риска. Своей цели он стремится достичь сравнительно новым способом: не путём выжидания или обороны, а путём более глубокого изучения дебютных вариантов. Чтобы улучшить свои шансы в практической игре, он, например, взялся за модернизацию старинного английского учебника Гриффитса и Уайта. При этом ему пришлось проработать тысячи и тысячи дебютных вариантов. Превосходя по уровню знаний современной теории прочих участников АВРО-турнира 1938 года, он, ко всеобщему удивлению, добился там частичного успеха, который навряд ли когда-нибудь повторится.

Бедная шахматная Америка

Следует упомянуть ещё двух современных еврейских мастеров: Решевского и Ботвинника. Восточно-еврейский вундеркинд (было уже столько вундеркиндов этой расы во всех сферах искусства, почему бы хоть разок не появиться еврейскому шахматному вундеркинду?), Самуил Решевский с 5-летнего возраста систематически используется своими, тоже еврейскими импресарио. Но в тот период (1919-22 гг.) во всех опьянённых военной победой демократических странах денег хватало на любой аппетит. Не удивительно, что Решевский, которому сейчас где-то около 30 лет, за это время не только американизировался и принял гражданство США, но и приобрёл состояние, доходы с которого могли бы позволить ему заниматься шахматами, давшими ему всё, как чистейшему любителю. К всеобщему удивлению, выяснилось, что взрослый Решевский, приезжая в Европу, ведёт себя как шахматный профессионал наихудшего типа и прибегает при этом к самым нечистоплотным трюкам. Если Решевский, как утверждают некоторые, действительно

является олицетворением сегодняшней шахматной Америки, то остаётся только сказать: бедная шахматная Америка!

Советский мастер Ботвинник[3] при развитии своего стиля испытал ещё более сильное влияние молодой русской школы, чем, скажем, его американский собрат по расе Ройбн Файн.

М. Ботвинник.

Инстинктивно склонный к шахматам типа «безопасность прежде всего», он постепенно вырос в мастера, который хорошо умеет пользоваться наступательным оружием. Достиг он этого своеобразным и характерным путём: им двигали не наступательная идея, или идея жертвы, а — как это ни парадоксально — стремление с помощью атакующих возможностей обеспечить себе ещё большую безопасность. Вот что является причиной успехов Ботвинника. Только благодаря хорошим знаниям, только благодаря исключительно прилежному изучению, во-первых, новых дебютных путей и, во-вторых, техники атаки и техники комбинационных жертв старых мастеров, Ботвиннику удалось усовершенствовать свой первоначальный стиль и придать ему определённую разносторонность. Что он сегодня силён, очень силён, не подлежит никакому сомнению. Иначе он бы не смог — при том высоком уровне развития шахмат в сегодняшней России — выигрывать с большим отрывом пять или шесть раз подряд чемпионаты этой страны. С его очевидным превосходством над соперниками может сравниться разве что серия убедительных побед, одержанных дома и за границей чемпионом Германии Эрихом Элисказесом. Тем не менее, большинство партий Ботвинника производит впечатление сухих и бездушных. Это вполне объяснимо, ибо ни в одном жанре искусства даже самая совершенная копия не может вызвать таких чувств, как оригинал. Шахматы Ботвинника в том, что касается атаки, являются именно отличной копией старых мастеров. Всё же по сравнению со всеми

перечисленными шахматистами Ботвинника можно считать исключением.

Шахматный феномен Капабланки

Чрезвычайно поучительным является пример экс-чемпиона мира Капабланки. В своей родной Гаване он считался вундеркиндом (в 12 лет он выиграл чемпионат Кубы). В начале своей карьеры он был страстным мастером атаки с комбинациями, прямо-таки в стиле Морфи. Он стал бы кумиром не только латинского шахматного мира — им он в течение некоторого времени действительно был, — но и всего шахматного мира, если бы его совсем ещё молодым человеком не послали с Кубы учиться в Колумбийском университете в Нью-Йорке.

В этой еврейской столице Капабланка усвоил профессиональные методы шахматных янки. Подавляя в себе недюжинный тактический талант, он уже в 18 лет заставил себя рассматривать шахматы не как самоцель, а как источник приобретения средств к существованию. Еврейский принцип «безопасность прежде всего» он довёл до крайности. Но прирождённый шахматный талант Капабланки был так велик, что им восхищались именно как «художником защиты». Он был ещё и достаточно умён, и поэтому в своих трудах пытался кое-как оправдать негативный характер оборонительных шахмат с помощью псевдостратегических концепций.

Всё же в партиях Капабланки даже в период его чемпионства время от времени проскальзывали огненные блики подлинного духовного озарения — видимо, подсознательная реакция его подавляемого шахматного темперамента. В наши же дни это происходит у него всё реже и реже. Так и случилось, что они оба, еврей Ботвинник и латинянин Капабланка, в конце концов, попали на несвойственные им пути. Для нашего искусства и для борьбы с оборонительными тенденциями в шахматах шахматное существование их обоих бесспорно полезно, ибо они являются теми исключениями, которые подтверждают правило. Исключение? Да, действительно исключение. Ибо в наших шахматах есть ещё и псевдоисключение, псевдохудожники, которые используют арийскую атакующую идею для удовлетворения своей профессиональной жажды к деньгам.

Типичнейшими представителями этого направления, пожалуй, являются уроженец Вены, поселившийся сейчас в Стокгольме еврей Рудольф Шпильман и живущий сейчас в Лондоне еврей из Лейпцига Жак Мизес. Шпильман, бесспорно, обладает тактическим талантом. Он уже в начале своей карьеры

понял, что за его талант широкая публика лучше всего заплатит в том случае, если ему удастся создать себе ореол «блестящего специалиста в области жертв». И подобно тому, как четверть века спустя Файн и Ботвинник изучали дебюты и законы атакующей игры, так и Шпильман занялся гораздо более простой проблемой, а именно внешней техникой игры с жертвами. Надо признать, что ему после долголетней практики удалось достичь в выбранном направлении некоторых успехов. Примерно 3 года тому назад он даже позволил себе опубликовать книжонку под названием «Теория жертвы», в которой исследуются всевозможные разновидности шахматных жертв, за исключением той единственной, которая отличает настоящего художника, а именно — интуитивной жертвы.

Столь же далёк от истинной идеи жертвы шахматный мастер и журналист Мизес, который ранее буквально засыпал тогдашнюю немецкую печать своими «блестящими достижениями» в этой области. Он, например, опубликовал в редактируемом евреем Барухом Вудом бирмингемском шахматном журнале «ЧЕСС» в качестве самого выдающегося достижения свой выигрыш у Барделебена (Бармен, 1905 г.).

До сих пор я много говорил о еврейской оборонительной концепции и лишь немного об арийской атакующей идее. Уместно осветить последнюю яснее. В качестве введения важно вспомнить о характерном, хотя и совершенно неправильном представлении о шахматах. В 30-40-х годах прошлого столетия после метеорного взлёта Лабурдонне наступила заметная тишина. Сильнейшим шахматистом мира считался — вероятно, по праву — англичанин Говард Стаунтон. Его игра, которая, к сожалению, оказала некоторое влияние на современников, была столь монотонной, скучной и бедной идеями, что не приходится удивляться тому убийственному приговору, который вынес шахматному искусству гениальный Эдгар По в детективной новелле «Два убийства на рю Морг»[4]. В самом начале повествования, кстати, без всякой необходимости, Эдгар По пишет: «*Расчёт в коем случае нельзя идентифицировать с анализом. Например, шахматист очень хорошо умеет считать, не прибегая к анализу. В этом смысле шахматы в сильной степени переоценили. Я не собираюсь писать монографии об анализе как таковом, но позволю себе сделать своего рода предисловие к нижеследующему необычному рассказу. Я волен заявить, что высшая человеческая способность, способность к умственной работе, в большей степени развивается при помощи скромных шашек, нежели с искусственно усложнёнными шахматами. В последней игре разнообразие и особенности ходов различных фигур*

выдают за признак её глубины, упуская из виду тот факт, что в шахматах очень большая роль принадлежит степени внимательности соперника. Достаточно вниманию на мгновение ослабиться, как совершается ошибка, подчас роковая ошибка. В девяти случаях из десяти шахматную партию выигрывает не более сильный игрок, а более внимательный.

В шашках, где ходы фигур совсем просты, просмотры происходят намного реже».

И далее: «*неоднократно уже обращали внимание на то, что государственные мужи, известные своим незаурядным умом, отдавали игре в вист предпочтение перед шахматами. И в действительности нет никакой другой игры, которая в такой же степени стимулировала аналитические возможности мозга, чем вист. Самый лучший шахматист среди всего христианства всегда будет всего лишь самым лучшим шахматистом. В то время преимущество в висте является предпосылкой преимущества во всех тех сферах, где ум должен сражаться с умом*».

Решающей является матовая идея!

Довольно! Эти цитаты убедительно доказывают, что гениальный сочинитель «Ворона», блестящий автор «Эврики» и «Диалога между Моносом и Уной» в данном случае либо сам грубо ошибся, либо по неизвестным причинам сознательно вводит в заблуждение своего читателя. Шахматы нельзя сравнивать ни с одной игрой за столом, а именно, по одной принципиальной причине, которая накладывает на шахматы отпечаток искусства. Другие игры при этом не унижаются, но ставятся на свои места.

Принципиальная разница между шахматами и любыми другими играми, целью которых является завоевание пространства, материала и т. д., состоит в том, что шахматам присуще нечто совсем особенное, а именно — матовая идея.

В начале шахматного поединка соперники тоже стараются выиграть друг у друга пространство и материал. Но как только появляется матовая идея, то есть мысль о том, как окружить главную вражескую фигуру, то для осуществления этой идеи оправданы любые жертвы времени, пространства или материала. Поэтому шахматы полезны, поэтому они так привлекательны, потому что — подчас подсознательно — напоминают нам о человеческом стремлении к идеалу, о радости самопожертвования ради идеи. И поэтому шахматы вызывают эстетические чувства, поэтому и торжествует в них чувство красоты, что внутренний дух шахмат полностью соответствует

присущему нам стремлению к самопожертвованию.

Про какую другую игру можно хотя бы приблизительно сказать то же самое? Нет, никакой Эдгар По при всей его гениальности не может хоть как-нибудь обосновать — не говоря уже доказать — равное право всех названных им ИГР на существование! Ещё слабее у Эдгара По сравнение с вистом. Это сравнение неудачно именно потому, что при названной карточной игре человеческий мозг вынужден работать совсем иначе, чем в шахматах. Шахматы — это боевая игра данного момента и будущего — как только ход совершился, можно и не думать о том, что было на доске раньше. В то же время в бридже (чтобы ограничиться этой самой современной карточной игрой), для того чтобы слыть хорошим игроком, надо помнить не только состав каждой взятки, но и все карты, вышедшие из игры. А что касается мнимого «анализа», то из-за очень большого числа возможных сочетаний в бридже он действительно невозможен. Поэтому нападки, которым американский писатель подверг шахматы, прошли мимо цели. Всё же он заслуживает того, чтобы быть упомянутым как знамение времени.

Часть III. Еврейские шахматы повержены

Развитие арийской шахматной идеи неразрывно связано с великими именами и человеческими судьбами её носителей. Я хотел бы назвать здесь — помимо примитивных в высоком смысле слова художников Филидора и Лабурдонне — имена десяти мастеров, которые за последние 100 лет имеют большие заслуги перед арийской шахматной идеей: Пол Морфи, Адэльф Андерсен, Михаил Чигорин, Гарри Нельсон Пильсбери, Фрэнк Маршалл, Х.-Р. Капабланка, Ефим Боголюбов, Макс Эйве, Пауль Керес и Эрих Элисказес. Впрочем, можно бы было добавить ещё несколько имён, например, Мароци, Харузек, Видмар. Это завело бы нас слишком далеко, поэтому для нашей темы достаточно десяти вышеупомянутых имён.

«Анна Каренина» Льва Толстого начинается такими словами: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Как это ни странно, но эта фраза применима к спортивной и творческой судьбе десяти избранных шахматистов, о которых здесь пойдёт речь. Четверо из них, принадлежащие к старшему поколению, действительно пережили очень большие трудности, остальным шести судьба отпустила нормальную жизнь. Драматически сложившиеся судьбы четырёх пионеров арийской шахматной идеи можно охарактеризовать следующим образом:

Морфи — человек, который слишком рано родился

Да, слишком рано — не для шахматного мира, который восхищался его гением, а для самого себя: и как художник, и как человек. Ибо ранний отказ Морфи от шахмат следует приписать, бесспорно, невыносимой для него мысли о том, что он, хоть и не профессиональный игрок, рассматривается своими современниками именно как профессионал и только таким его ценят и чествуют. И постоянное затуманивание его мозга в сильной степени объясняется его ощущением неудачно сложившейся, посвящённой «игре» жизни. Морфи, конечно же, сыграл великолепные партии и ввёл некоторые новые принципы, например, принцип борьбы за центр. Но его теоретическое наследие всё же невелико. Как знать, до какого совершенства он довёл бы свою игру, если бы «не стыдился» её. Как иначе всё было бы, если бы он жил в наши дни, в которые даже международная шахматная федерация оказалась вынужденной санкционировать шахматный профессионализм. Можно отметить, что консульский

чиновник Капабланка никогда в жизни не отказывался извлекать материальную выгоду из своего шахматного таланта. Морфи и в самом деле появился на свет на 50 лет раньше.

Андерсен — жертва жертвы

Если трагедия гениального американца была творческой и человеческой трагедией, то в основе пережитого Андерсеном кризиса, помешавшего ему в качестве первого немецкого чемпиона мира на долгие годы завладеть международной шахматной сценой, лежали скорее спортивные причины. После того как Андерсен в 1851 году в Лондоне опередил всех своих соперников, он встретил в лице Морфи (тот сам йотом стал жертвой комплекса неполноценности) человека, который сыграл роковую роль в судьбе Андерсена. Счёт матча — 7:2 в пользу американца — произвёл на Андерсена, как следует из его писем того времени, совершенно потрясающее впечатление. Он даже зашёл так далеко, что объявил 2 свои победы случайностью, а своего соперника непобедимым. Как показал объективный анализ партий матча, это утверждение Андерсена не соответствовало истине. Морфи, пожалуй, действительно был сильнее, но в Париже, где игрался матч, Андерсен был явно не в форме и почти не оказывал сопротивления. Никогда раньше и никогда позже он не был так беспомощен.

Одно можно утверждать с определённостью: после того как Морфи покинул шахматную сцену, Андерсен, бесспорно, был сильнейшим шахматистом мира. И всё же случилось невероятное: в 1866 году Андерсен проиграл в Лондоне (обратите внимание на рыцарство Андерсена, который всегда был готов играть за пределами своей родины, т. е. в условиях, более благоприятных для соперника), правда, с разницей всего лишь в 2 очка, намного более молодому Стейницу, которого вся еврейская и англосаксонская шахматная община торжественно объявила бесспорным чемпионом мира.

Андерсен не переживал это своё случайное поражение, его шахматное честолюбие после поражения от Морфи угасло. Он ещё прожил некоторое время, добился нескольких успехов, но о борьбе за первенство мира больше уже не думал. И так уж случилось, — я говорю это, будучи глубоко убеждённым в своей правоте, — что величайший игрок комбинационного плана всех времён в результате исторической случайности сделал возможной победу идеи, вызывавшей у него крайнее отвращение и ставшей в течение более полувека одним из активных средств еврейской пропаганды.

Чигорин — первая жертва международной плутократии

В то время как первый профессиональный чемпион мира Стейниц не позволял никому эксплуатировать себя, а, наоборот, в пору своего расцвета стремился сам эксплуатировать шахматную общину, его соперник Чигорин постепенно стал крепостным частью народившегося русского капиталистического общества, частью уже опытной европейской и американской плутократии. Именно крепостной, не раб, ибо он получал от «господ» всегда ровно столько, чтобы как-то прилично жить, но не столько, чтобы он чувствовал себя по-настоящему свободным, свободным в своём творчестве, в пропаганде шахмат, даже в выборе своих соперников.

Михаил Чигорин.

После матча с очень одарённым, но уже тяжело больным Цукертортом Стейниц сам объявил себя чемпионом мира и присвоил себе право — впрочем, ещё одно доказательство невероятной еврейской наглости — впредь самому выбирать себе матчевых соперников. В первый раз, в 1889 году, выбор Стейница пал на Чигорина, причём по целому ряду соображений. Во-первых, русский мастер в этот момент пользовался заслуженной славой самого боевого шахматиста среди современных ему мастеров. Однако в это самое время Чигорин страдал тяжёлой депрессией. Он был рад вырваться из угнетавшей его дух атмосферы тогдашнего Санкт-Петербурга. Поэтому было нетрудно договориться с ним о приемлемых финансовых условиях.

И, наконец, Стейниц уже хорошо изучил чигоринский стиль и пришёл к выводу, что он, Стейниц, сейчас превосходит Чигорина

если не в шахматно-техническом, то в психологическом аспекте. Итак, гениального Чигорина дважды приглашали в Гавану, чтобы доказать невозможность для арийцев нарушить шахматную гегемонию евреев. Во 2-м матче не всё шло у Стейница гладко, он победил всего лишь со счётом 10:8 и в решающей партии должен был проиграть. Но всё хорошо, что хорошо кончается: снова победил Израиль.

Следует отметить, что несколько лет спустя, в Гастингсе, 1895 г., Чигорин играл значительно лучше, нежели в матчах со Стейницем. Но о шахматной короне он уже не мечтал, ибо титул сильнейшего перешёл к значительно более молодому Ласкеру.

Последние годы жизни Чигорина хотя и не были драматичными, но всё же очень грустными. У него было всё меньше жажды жизни, всё меньше честолюбия. За несколько недель до своей смерти он сжёг любимую шахматную доску — наверняка не из протеста против шахмат как таковых, а из протеста против тех, кто помешал ему довести своё искусство до предельно возможных вершин.

Пильсбери — человек, который родился слишком поздно

Мастер из Бостона Пильсбери был после Морфи бесспорно величайшим шахматным дарованием США. Однако жизненные пути Морфи и Пильсбери были совершенно различными: в то время как Морфи медленно, тихо и безрадостно погасил свечу своей жизни, Пильсбери стремился к тому, чтобы свеча его жизни непрерывно горела с обеих сторон. «Вино, женщины и не безвредные песнопения, а крепкие сигары» — вот жизненный принцип Пильсбери. И это всё вместе с сеансами одновременной игры вслепую, игрой в вист и опять-таки партиями вслепую в шашки. Так как я сам в состоянии давать сеанс вслепую на рекордном числе досок, то читатель может мне поверить, что такие постоянные эксперименты Пильсбери с психической точки зрения были выше человеческих сил. Поэтому не удивительно, что Пильсбери — хоть он блестяще победил в Гастингсе, хотя у него есть эпохальные открытия, хотя у него был самый лучший счёт в личных встречах с Ласкером — никогда не был для Ласкера серьёзным конкурентом в борьбе за чемпионский титул. Как всё могло быть иначе, вступи Пильсбери на шахматную арену на 5–6 лет раньше! Тогда было бы несложно организовать матч между ним и жившим в Америке Стейницем, и Пильсбери как более молодой имел бы все шансы этот матч выиграть. Его победа освободила бы нас на четверть века раньше от еврейских шахмат.

Пильсбери умер в 34 года мучительной смертью. И всё же он мог умереть с сознанием того, что его краткая шахматная карьера была чрезвычайно полезной с точки зрения пропаганды шахмат в США.

С его преемника Фрэнка Маршалла, который более 25 лет удерживал титул чемпиона США, начинается список спокойно творящих, сознательно или подсознательно преданных арийской творческой идее современных мастеров. Чрезвычайно агрессивный по манере игры, хороший и потому успешный боец, он скоро стал чрезвычайно популярным среди своих земляков. Тогдашний чемпион мира Ласкер воспользовался периодом спада у Маршалла, чтобы сыграть с ним матч на первенство мира. Результатом, конечно же, снова была еврейская победа, но на сей раз последняя. Ибо то, что не удалось Маршаллу, много лет спустя совершил кубинец Капабланка. В 1921 году он наконец-то сумел освободить шахматный мир от еврейской нечисти, и в этом, бесспорно, его историческая заслуга. К сожалению, Капабланка воспользовался своим титулом ради самообожествления, что оттолкнуло от него самых близких друзей. Всё же как шахматная личность он весьма велик, и выпуск на Кубе почтовой марки по случаю его 50-летия (1938 г.) является лучшим доказательством того, как популярен он у себя на родине. Общие тенденции оставшихся значительных мастеров нашего столетия — Боголюбова, Эйве, Элисказеса, Кереса — описать несложно. У них они, в принципе, такие же, как у Маршалла и Капабланки:

1) стремление к упорядоченной, спокойной личной жизни;

2) интенсивная и плодотворная пропаганда шахмат у себя на родине или в странах, которые они выбрали себе для жительства. Так, например, новые немецкие шахматы не были бы на сегодняшней исключительной высоте, если бы не неустанная деятельность сперва Боголюбова, а затем Элисказеса. Без Эйве расцвет шахмат в Голландии немыслим, и едва ли кто-нибудь в мире говорил бы о маленькой Эстонии, если бы в ней не родился Пауль Керес.

Сопротивление Алехина еврейским шахматам

Это не удовольствие — писать про самого себя. Но моя шахматная деятельность в течение последней четверти века настолько тесно связана с темой данной серии статей, что я не могу не напомнить о некоторых фактах, вытекающих из моего многолетнего отрицательного отношения к еврейскому влиянию в шахматах. Моё более тесное знакомство с еврейством восходит

к тому времени, когда я в мае 1921 года прибыл в Берлин. В то время паршивый торговец сигарами довоенного времени Каган превратился в шахматного издателя и шахматного мецената. В годы мировой войны Каган сделал блестящий «гешефт», что и дало ему такую возможность. В то время, когда я прибыл в Берлин, этот человек регулярно организовывал турниры, участники которых на 90 процентов были евреями. Его особым любимцем тогда был Рубинштейн. По указанию Кагана Рубинштейн вызвал тогда на матч нового чемпиона мира Капабланку, который тотчас же выразил согласие этот вызов принять. Так как я после длительной изоляции в России не знал истинного соотношения сил и был склонен недооценивать силу Капабланки, то принял для себя решение сделать по-спортивному всё возможное, чтобы не допустить матча Капабланка — Рубинштейн. Чтобы достичь этого, нужно было продемонстрировать моё превосходство над Рубинштейном. Поэтому на все мои значительные турнирные успехи (Гаага, 1921 г., Лондон, 1922 г., Карлсбад, 1923 г., Баден-Баден, 1925 г.) меня вдохновляла «антирубинштейновская идея», и цель эта была сравнительно быстро достигнута. Несмотря на согласие Капабланки, после турнира 1923 г. в Карлсбаде все специалисты перестали считать Рубинштейна полноценным соперником Капабланки, и на Нью-Йоркский турнир 1924 года его даже не пригласили. Но вскоре для арийских шахмат появилась новая опасность в лице другого восточного еврея, Арона Нимцовича.

Арнольд Нимцович — претендент на титул чемпиона мира

Если я в данном случае говорю об опасности, то это ещё не означает, будто еврей из Риги когда-либо имел хотя бы один шанс против Капабланки. Но даже «почётное поражение», при способности Нимцовича к саморекламе, пошло бы еврейским шахматам на пользу. Поэтому чемпионские планы Нимцовича следовало расстроить подобным же образом, как ранее это было сделано с Рубинштейном. Поэтому на важных турнирах в Земмеринге (1926 г.) в Нью-Йорке и Кечкемете (1927 г.) я играл под знаком «антинимцовической идеи». После того как я опередил Нимцовича на всех этих турнирах, он был вынужден взять свой вызов обратно. Одна деталь этого вызова мне запомнилась: это визитные карточки, которые он себе к этому времени заказал и которым, собственно говоря, место в собрании курьёзных редкостей. На визитных карточках было написано «Арнольд (это даже для еврейских ушей благозвучнее, чем Арон!)

Нимцович, претендент на титул чемпиона мира». После того как в 1927 году титул чемпиона мира перешёл ко мне, Нимцович больше не пытался на него претендовать. Моё третье и пока последнее усилие против еврейского шахматного натиска я совершил значительно позднее, причём несколько необычным образом. На эту тему больше разговоров не было, и, конечно же, их на могло быть на моих матчах с Боголюбовым. Оба матча носили сугубо спортивный характер, и решающую роль в них сыграли умение и спортивная форма соперников. В обоих случаях судьба была благосклонной ко мне, но даже если бы результат этих матчей был иным, я не воспринял бы это трагически. Титул попал бы в надёжные руки.

Д- р Эйве — игрушка в руках евреев

Лишь во время моего первого матча с д-ром Эйве в 1935 году передо мной неожиданно снова встал еврейский вопрос. Разве мог я предположить, что спокойный, деловой и спортивный ариец Эйве позволит целой еврейской клике использовать его в качестве игрушки, и всё же невероятное тогда стало фактом: матч проводился оргкомитетом, состоявшим исключительно из евреев. Меня уговорили взять в секунданты еврейско-голландского мастера Самуэля Ландау, который в решающий момент матча якобы «по личным причинам» бросил меня на произвол судьбы. Техническим руководителем матча был назначен личный секретарь Эйве, житель Вены Ганс Кмох, женатый на еврейке. Нетрудно представить, какой «объективности» я мог от него ждать.

М. Эйве.

И поскольку я проиграл матч, отстав от соперника всего на одно очко, то берусь утверждать категорически, что если бы я своевременно распознал тот особый дух, которым сопровождалась организация матча, Эйве никогда не отвоевал бы

у меня титул даже на самое короткое время. Во время матча-реванша в 1937 году также было приведено в движение всё шахматное еврейство. Большинство еврейских мастеров были задействованы в пользу Эйве в качестве корреспондентов, тренеров и секундантов. К началу этого 2-го матча у меня уже не было никаких сомнений: мне предстояла борьба не с голландцем Эйве, а со всем шахматным еврейством. Моя убедительная победа (10:4) на самом деле стала победой над еврейским заговором.

При этом, однако, я хочу категорически подчеркнуть, что мои шахматные сражения никогда не носили личного характера, а всегда были направлены против шахматно-еврейской идеи. И последний из перечисленных матчей вёлся мною не против Эйве как человека, а против того, кто — будем надеяться, что только временно — подпал под еврейское влияние и был использован евреями для своих целей.

Что же будет дальше с мировым шахматным первенством? Конечно, в наше быстротечное, полное неожиданностей время трудно предсказывать что-либо определённое. Возможно, что Капабланке удастся снова отобрать у меня титул сильнейшего, ведь он по-прежнему шахматист очень высокого класса. Только вряд ли от этого будет польза для шахматной жизни, ибо он недолго сможет отстаивать этот титул против молодых сил.

С другой стороны, будет очень полезным для мировых шахмат, если чемпионом мира станет, например, Керес или Элисказес. И если один из них действительно станет сильнейшим, то я восприму это без всякой зависти. Кто же наилучший из них обоих? У Кереса очень привлекательный стиль, напоминающий Морфи, но шахматы Элисказеса шире: они производят впечатление шахмат мирового класса. Неужели это всего лишь случайность, что Элисказес победил эстонского гроссмейстера как в 1937 году в Земмеринге, так и в 1939 году в Буэнос-Айресе?

Перевод с немецкого А. Цитрина

«64-шахматное обозрение» №№ 18/19, 1991 г.

БИОГРАФИЯ

Детство, юность

Александр Александрович Алёхин[5] родился 31 октября 1892 года в Москве. По происхождению — дворянин. Его отец — Александр Иванович Алехин (1856–1917), мать — Анисья Ивановна (в девичестве — Прохорова) (1861–1915), происходившая из семьи текстильного фабриканта Прохорова, владельца «Трёхгорной мануфактуры». Предки по обеим родительским линиям в четвёртом-третьем поколении — крестьяне Старооскольского уезда Курской губернии. Семья владела имением близ Касторного, в Землянском уезде Воронежской губернии. В 1904 году Алехин-старший стал предводителем дворянства Землянского уезда, затем — Воронежской губернии, впоследствии — депутатом четвёртой Государственной Думы.

Играть в шахматы Александр научился в возрасте 7 лет — ходы фигур ему показала мать. Сильное впечатление произвели на него гастроли американского маэстро Г.Н. Пильсбери, посетившего Москву в 1902 году. Серьёзно увлёкся шахматами в 12 лет. Начинал играть в турнирах по переписке, вместе со старшим братом Алексеем (1888–1939). Первую турнирную победу одержал в 1905 году — в гамбитном турнире по переписке, организованном журналом «Шахматное обозрение». В 1908 году стал чемпионом Москвы, в этом же году дебютировал на международной арене: турнир Германского шахматного союза (Дюссельдорф), разделил 4-5-е места.

В 1909 году на «Всероссийском турнире любителей» получил звание «Маэстро».

В 1910 году Алехин удачно выступил на очень представительном турнире в Гамбурге, опередив несколько

гроссмейстеров, хотя в число призёров не вошёл, в 1911 — разделил 8-11-е места в Карлсбаде (участвовало 26 игроков), выиграв у Видмара — одного из сильнейших на этом турнире.

1913 год — занимает первое место на довольно представительном турнире в Схевенингене (11,5 из 13 очков), опередив Д. Яновского, одного из претендентов на мировое первенство.

В 1914 году Алехин закончил Училище правоведения, получил чин титулярного советника и был назначен в Министерство юстиции. В этом же году на международном турнире в Петербурге занял третье место после чемпиона мира Ласкера и Капабланки. Как вспоминал П. Романовский, именно в 1914 году Алехин сказал ему, что начинает готовиться к матчу на первенство мира с Капабланкой. На удивлённое замечание, что чемпион мира — Ласкер, Алехин уверенно ответил, что вскоре Капабланка сменит Ласкера. Нужно заметить, что Алехину приписывают ещё один подобный сбывшийся прогноз — предсказание лидерства Ботвинника, сделанное им в конце 1930-х годов.

Первая Мировая война

Летом 1914 года Алехин участвовал в турнире в Мангейме. Уверенно идя на первом месте, он, по всей видимости, стал бы победителем, но 1 августа началась война. Турнир был прерван, Алехин, которому было присвоено первое место как безусловному лидеру турнира, вместе с другими участниками был интернирован в Германии.

Некоторое время он провёл в тюрьме Людвигсхафена — был заключён в неё из-за фотографии, где был снят в форме воспитанника Училища правоведения, которую приняли за форму офицера русской армии. Затем вместе с другими шахматистами был помещён в Раштатскую тюрьму, где находился в одной камере с Е. Боголюбовым, А. Рабиновичем и С. Вайнштейном. По воспоминаниям Алехина, в тюрьме не было ни книг, ни газет, и он проводил время, играя вслепую с Боголюбовым. В тюрьме был всего один надзиратель, дочь которого трижды в день приносила заключённым еду и весело с ними болтала. Сравнивая эту обстановку с тюрьмой в Одессе, где ему пришлось побывать в 1919 году, Алехин называл её «идиллической». Впрочем, идиллия была довольно условной: однажды за улыбку во время прогулки Алехин получил от надзирателя четыре дня одиночки.

Благодаря тому, что медкомиссией Алехин был признан негодным к воинской службе, он был освобождён немецкими властями и вернулся на родину через Швейцарию и Швецию. В Стокгольме 7 октября он дал сеанс одновременной игры на 24 досках (+18 -2 =4). 5 ноября, уже в Москве, состоялся сеанс Алехина на 33 досках (+19 -9 =5), сбор от которого поступил в фонд пожертвований для оставшихся в Германии русских шахматистов. 7 ноября началась консультационная партия А. Алехин и В. Ненароков — О. Бернштейн и В. Блюменфельд. Партия игралась в течение трёх дней и закончилась в пользу белых. 15 ноября Алехин дал сеанс одновременной игры в Серпухове (+32 -4 =2), 7 декабря — сеанс в Петроградском шахматном собрании в пользу пленных русских шахматистов (+20 -1), 8 декабря — сеанс в шахматном кружке при Петроградском политехническом институте (+22 -6 =6) — в фонд студента этого института П.Романовского, также находившегося в плену.

5 августа 1915 года в Московском шахматном кружке дал сеанс одновременной игры на четырёх досках, (+2 =2), вскоре чёрными выиграл консультационную партию против В. Розанова и Н. Целикова. 2 октября провёл сеанс в Московском кружке (+23

-5 =4), а 24 октября — в Серпухове, снова в пользу пленных русских шахматистов (+16 =2). В клубном турнире Московского шахматного кружка в октябре-декабре уверенно занял 1-е место (+10=1). За партию против Н. Зубарева получил специальный приз.

В апреле 1916 года Алехин приехал на гастроли в Одессу. 13 апреля дал сеанс (+17 -1 =2), сбор от которого пошёл в пользу находившихся в плену. 15 апреля дал сеанс вслепую на восьми досках. Сеанс длился до 4:30 утра 16 апреля, результат — +7–1. 19 апреля выиграл партию против В. Владимирова и Н. Лоран, 21 апреля — провёл совместный сеанс с П.Листом (+11 -1 =3). 25 апреля выиграл у Б. Берлинского, дав ему фору пешку и ход. Из Одессы Алехин поехал в Киев. Там он начал с сеанса на 20 досках (+17-3). 2, 6 и 8 мая сыграл партии с киевским маэстро Эвенсоном, проиграл первую из них и выиграл во второй и третьей. 4 мая дал сеанс вслепую на 8 досках, выиграв все партии, 10 мая провёл ещё один сеанс на 20 досках.

Попутно с шахматной деятельностью Алехин завершил своё юридическое образование. В 1916 году он отправился добровольцем на фронт, несмотря на то что по состоянию здоровья (из-за болезни сердца) не подлежал призыву в армию. Был командиром отряда Красного Креста. Получил орден Святого Станислава и две медали. Был дважды контужен. После второй контузии попал в госпиталь, где играл вслепую с навещавшими его местными шахматистами, в частности, дал сеанс вслепую на пяти досках. По завершении лечения вернулся в Москву.

13 сентября 1916 года в Москве Алехин дал сеанс на 37 досках (+28 -3 =6). 4 октября в Одессе провёл сеанс вслепую на 9 досках, сбор от которого пошёл в фонд помощи «Одесса — Сербии». Все партии были выиграны, сеанс занял менее 4 часов. В следующий приезд в Одессу Алехин сыграл серию лёгких партий с Б. Берлинским. 25 ноября и 2 декабря 1916 года в Москве сыграл с А. Рабиновичем. 4 декабря в Петрограде выиграл вслепую у А. Велихова. В феврале 1917 года в Москве сыграл одновременно две консультационные партии против двух пар сильных любителей, сведя одну из них вничью и выиграв вторую. 8 февраля сыграл ещё одну партию с А. Рабиновичем. 23 февраля 1917 года в Петрограде началась революция, и шахматная деятельность Алехина прервалась на три года.

Жизнь в Советской России

Революция 1917 года лишила Алехина дворянского титула и состояния. В 1918 году он отправился через Харьков в Одессу, по всей видимости, планируя морем покинуть Россию. Однако уехать ему не удалось. В 1919 году в Одессе Алехин был арестован ЧК по обвинению в шпионской деятельности и приговорён к расстрелу, его спасло вмешательство кого-то из высокопоставленных советских деятелей (по некоторым сведениям, это был член Всеукраинского ревкома Мануильский, лично знавший Алехина). После освобождения Алехин немного проработал в губисполкоме в Одессе, а после начала наступления войск Деникина вернулся в Москву.

В Москве Алехин женился. О его первой жене известно немногое. Архивные материалы говорят, что её звали Александра Батаева, она была старше Александра, была вдовой и работала в одном из советских учреждений делопроизводителем. Существовала также версия, что первой женой Алехина стала баронесса Анна фон Севергин, художница из Петербурга, вдова офицера, но фактических подтверждений у неё нет.

В 1919-20 годах Алехин некоторое время учился на кинокурсах, работал следователем в МУРе, затем переводчиком в аппарате Коминтерна (он блестяще владел несколькими европейскими языками). В эти годы он встретил швейцарскую журналистку Анну-Лизу Рюгг (Рюэгг), представлявшую в Коминтерне Швейцарскую социал-демократическую партию, и женился на ней. В 1920 году продолжил шахматную карьеру, заняв первое место на Всероссийской Олимпиаде (Москва), которая по традиции считается первым чемпионатом СССР.

В 1921 году в ЧК на имя Лациса поступил донос на Алехина, где последнего обвиняли в получении денег от деникинской контрразведки. Алехина вызывали на допрос, он вынужден был давать объяснения по этому поводу.

Путь к шахматной короне

В 1921 году Алехин легально выехал с женой из Советской России, чтобы, участвуя в турнирах, собрать призовой фонд для матча на первенство мира. Одним из оснований для выезда стало то, что жена Алехина была иностранкой. Формально отъезд из России эмиграцией не считался. До 1924 года советские издания печатали статьи Алехина, в Советской России его воспринимали именно как «русского шахматиста, временно живущего за границей». Жена Алехина родила сына — Александра (на 2002 год был жив, жил в Базеле, в 1992 году приезжал в Россию на открытие турнира в честь столетия со дня рождения отца).

В Европе Алехин тут же начал активно и довольно успешно выступать в турнирах. На Лондонском турнире 1922 года он занял второе место, чем был не удовлетворён — Капабланка, уже ставший к тому времени чемпионом мира, победил с отрывом в полтора очка. Там же Алехин вынужден был, чтобы иметь надежду на матч за шахматную корону, подписать «Лондонский протокол», который, в частности, требовал от претендента обеспечить призовой фонд в 10 000 долларов и дополнительно выделить деньги на покрытие организационных расходов. Таких денег у Алехина не было, как и у других претендентов на звание чемпиона.

В 1923 поделил 1–3 места на турнире в Мариенбаде, в 1924 — занял 3 место на турнире в Нью-Йорке, проиграв Ласкеру и Капабланке. Сам Алехин не считал эти годы удачными — его беспокоило, что он никак не может превзойти Капабланку в турнире. Были и личные проблемы — увлечённая общественной деятельностью жена совершенно не уделяла внимания семье, супруги жили раздельно, родившийся к тому времени сын Александр был отдан на попечение знакомым.

Но Алехин проявил силу характера и упорно двигался к цели. Прежде всего, он занялся анализом своего прошлого творчества, результатом чего стал вышедший в 1924 году первый сборник «Мои лучшие партии». Позже вышел ещё один сборник. Аналитические труды заметно подняли авторитет Алехина в шахматной среде. Произошли благоприятные изменения и в личной жизни — Алехин развёлся с женой и женился на Надежде Семёновне Васильевой (в девичестве — Фабрицкая), вдове генерала Васильева, которую встретил в Париже. Надежда Семёновна была очень спокойным, мягким, хорошо образованным человеком, она поддерживала мужа и всячески старалась создать ему условия для занятий шахматами. Супруги прожили вместе 10

лет.

В 1925 году Алехин защитил в Сорбонне диссертацию на тему «Система тюремного заключения в Китае» и стал доктором права. В этом же году он одержал победу на крупном международном турнире в Баден-Бадене (впрочем, ни Капабланка, ни Ласкер в нём не участвовали), не проиграв ни одной партии и опередив ближайшего соперника на 1,5 очка. В 1926 принял участие в пяти международных турнирах, в трёх из них завоевал первые места (Гастингс, Скарборо и Бирмингем), в двух (Земмеринг и Дрезден) — вторые. В конце 1926 — начале 1927 состоялся тренировочный матч с Максом Эйве, закончившийся со счётом +3–2 =5 в пользу Алехина. Разница в одно очко, по мнению комментаторов, не отвечала действительному соотношению сил — Алехин, в это время занятый переговорами о матче с Капабланкой, играл явно не в полную силу и ошибался чаще обычного.

Помимо усиленной подготовки к игре с Капабланкой, Алехин должен был достать деньги, около 15 тысяч долларов, для обеспечения финансирования матча. Для этого он провёл целый ряд необычных выступлений, направленных на привлечение внимания потенциальных спонсоров. В 1923 году в Нью-Йорке Алехин установил рекорд игры вслепую, сыграв одновременно 26 партий с результатом +16 -5 =5; в 1925 в Париже побил свой предыдущий рекорд, сыграв вслепую 27 партий с результатом +22 -3 =2; провёл сеанс одновременной игры с аэроплана; играл партии, в которых роли фигур на огромной доске выполняли артисты. В конце концов, усилия Алехина увенчались успехом — правительство Аргентины выделило деньги на проведение матча, который был запланирован в 1927 году в Буэнос-Айресе.

Чемпион мира

В 1927 Алехин участвовал в шестерном международном турнире, где занял 2-е место вслед за Капабланкой, затем победил на международном турнире в Кечкемете, подойдя к матчу за мировое первенство на пике своей спортивной формы. Предстоящий матч вызвал огромный интерес. Газеты наперебой гадали, как претендент намерен победить «мыслящую машину», «шахматный автомат в образе человека», которым представляли Капабланку. Большинство склонялось в пользу Капабланки, даже многие болельщики Алехина. Так, Шпильман, искренне болевший за претендента, тем не менее, полагал, что Алехин не сможет выиграть ни одной партии.

Сам Алехин отнюдь не рассчитывал на везение. В течение нескольких предыдущих лет он внимательно изучал все партии Капабланки, отыскивая в них неточности и планируя будущий матч. Результаты анализа (описанные позже Алехиным в одной из книг) оказались довольно интересными: Алехин нашёл, что Капабланка вовсе не безупречен. Он действительно очень точен, но всё-таки допускает просчёты. Алехин заключает: бесполезно пытаться выиграть у Капабланки, применяя дебютные новинки, в таких ситуациях чемпион, как правило, играет безупречно. Однако в середине партии Капабланку может подводить его легендарная интуиция — быстрота схватывания позиции парадоксальным образом приводит к тому, что чемпион считает наилучшими именно те ходы, которые он заметил сразу, и может просмотреть неочевидное продолжение, если оно не было обнаружено интуитивно. Наибольшее же количество ошибок, по мнению Алехина, Капабланка допускает в эндшпиле.

Матч с Х.-Р. Капабланкой состоялся, как и было запланировано, в 1927 году в Буэнос-Айресе. Алехин выиграл 6 партий, 3 проиграл, 25 свёл вничью, став четвёртым чемпионом мира. Матч показал исключительное самообладание русского шахматиста, который до Буэнос-Айреса ни разу не выигрывал у гениального кубинца (а проигрывал ему трижды). Вскоре после начала матча у Алехина началось воспаление надкостницы — чтобы не брать тайм-аута (а матч игрался без ограничения числа партий — до шести побед) Алехин потребовал у доктора удалить ему сразу несколько зубов. Боль стихла — и Алехин продолжил побеждать. В 34-м туре при счёте 5:3 партия была отложена в позиции, где Алехин имел преимущество в две пешки. На доигрывание Капабланка не явился, вместо этого прислав письмо, в котором объявлял о сдаче и поздравлял Алехина с победой.

Победа Алехина была воспринята с энтузиазмом. После объявления о сдаче Капабланкой последней партии Алехина на руках пронесли по улицам Буэнос-Айреса. Со всего мира (в том числе и из СССР) в Буэнос-Айрес шли поздравительные телеграммы. В Барселоне, первом европейском городе, куда прибыли из Южной Америки новый чемпион и его супруга, им устроили восторженную встречу.

Разрыв с Советской Россией

Триумфальная победа над Капабланкой не только принесла Алехину звание чемпиона мира, но и косвенным образом привела к скандальному разрыву его отношений с Россией. Неизвестно, собирался ли Алехин когда-либо вернуться на Родину, но, во всяком случае, до 1927 года он не отрицал такой возможности. Когда Алехин победил в матче, в советских газетах стали появляться сообщения, что новый чемпион вот-вот вернётся в Россию. Однако вышло наоборот.

После возвращения Алехина из Буэнос-Айреса в Париж, в честь его победы был устроен банкет в «Русском доме». В речи на этом банкете Алехин сказал, что рад был развеять миф о непобедимости Капабланки. Но на следующий день в некоторых эмигрантских газетах вышли статьи, где к речи Алехина было добавлено: «…пусть так же развеется фантасмагория, царящая на нашей родине». В точности неизвестно, сказал ли действительно Алехин эти слова. До этого он никогда не позволял себе никаких публичных заявлений, направленных против Советского Союза, советской власти, коммунистов, хотя в эмигрантской среде Западной Европы негативные высказывания в адрес СССР были более чем обычным делом. Возможно, что публикация антисоветских высказываний от имени Алехина была провокацией, направленной именно на разрыв чемпиона с Россией. Разумеется, Алехин мог публично отказаться от приписанных ему слов, но он этого не сделал.

По прошествии нескольких месяцев в журнале «Шахматы в СССР» появилась статья Н.В. Крыленко, в которой говорилось: «После речи Алехина в Русском клубе с гражданином Алехиным у нас всё покончено — он наш враг, и только как врага мы отныне можем его трактовать». Ещё через некоторое время было опубликовано заявление брата Алехина, Алексея: «Я осуждаю всякое антисоветское выступление, от кого бы оно ни исходило, будь то, как в данном случае, брат мой или кто либо другой. Алексей Алехин». Ещё остававшиеся связи Алехина с родиной были разорваны. Он так никогда и не вернулся в Россию.

Продолжение шахматной карьеры

К сожалению многих, не состоялся матч-реванш с Капабланкой. Экс-чемпион попытался провести через ФИДЕ изменение правил матча на первенство мира, чтобы играть матч-реванш на более мягких условиях. Алехин с явным возмущением писал, что Капабланка даже не поставил его в известность о своих намерениях. Разумеется, Алехин, приложивший столько усилий, чтобы получить право на матч с Капабланкой по правилам лондонского протокола, категорически отказался играть матч-реванш на каких-либо других условиях. К моменту, когда Капабланка прислал вызов на матч-реванш по правилам лондонского протокола, Алехин уже заключил соглашение о матче на первенство мира с Ефимом Боголюбовым. На этом формальном основании Капабланке было отказано. Отношения двух чемпионов после этих событий резко ухудшились. Отказ Алехина дал повод его недоброжелателям говорить тогда и впоследствии, что «этот чемпион играет только со слабыми и боится действительно сильных соперников».

Своё превосходство над соперниками Алехин доказал серией впечатляющих побед, одержанных в течение нескольких лет после матча на первенство мира. Из десяти международных турниров, в которых чемпион сыграл после завоевания звания, он победил во всех десяти.

В 1929 году состоялся матч на первенство мира с Боголюбовым (Германия). Алехин выиграл 11 партий, 5 проиграл, 9 свёл вничью, сохранив, таким образом, чемпионский титул.

1930 год принёс наивысший за всю карьеру Алехина (с учётом суперсостава участников) турнирный успех — на турнире в Сан-Ремо (Италия), где участвовали такие звёзды, как Нимцович, Боголюбов, Рубинштейн, Видмар, Мароци — Алехин занял первое место. Он не проиграл ни разу, из пятнадцати партий выиграл тринадцать и «позволил» соперникам сделать лишь две ничьих. Второй призёр, А. Нимцович, отстал от победителя на 4 очка. С таким отрывом в столь представительных турнирах не побеждал далее Капабланка.

В 1931 году Алехин с блеском выиграл большой турнир в Бледе с отрывом от ближайшего соперника в 5 очков (первое место — Алехин — 20 очков из 26, второе — Боголюбов — 15 очков). По подсчётам шахматных статистиков, в этот момент рейтинг Эло Алехина достиг наивысшего за всю его карьеру значения — около 2784. Это всего на один пункт меньше, чем у Роберта Фишера в 1972 году.

1932 год — Алехин выигрывает крупные международные турниры в Лондоне и Берне, а также два турнира послабее — в Пасадене и Мехико. В этих турнирах он набрал 38,5 очка из 46 (84 % очков).

В 1933 году Алехин в очередной раз побил рекорд игры вслепую (установленный Рети — 29 досок), дав в Чикаго сеанс на 32 досках. Сеанс длился 12 часов и закончился со счётом +19 -4 =9 в пользу Алехина.

1934 год — Матч на первенство мира со старым другом-соперником Ефимом Боголюбовым (15,5: 10,5 в пользу Алехина). Уже через месяц Алехин включился в борьбу в представительном международном турнире в Цюрихе (с участием Эм. Ласкера, Эйве, Флора, Боголюбова, Бернштейна, Нимцовича, Штальберга и др.). И снова — блестящий результат — чистое первое место (13 из 15), на очко впереди Эйве и Флора.

Потеря и возвращение чемпионского звания

В середине 1930-х годов Алехин пережил творческий кризис. Советские шахматные историки (возможно, выдавая желаемое за действительное) писали о тоске Алехина по России, о его попытках как раз в это время «помириться» с СССР. Некоторые связывают снижение уровня игры с усталостью чемпиона, с потерей мотивации к самосовершенствованию, вызванной отсутствием достойных противников, из-за чего Алехин стал позволять себе небрежную игру. В партиях, сыгранных ближе к 1935 году, специалисты начали находить ошибки, иногда достаточно грубые. По воспоминаниям некоторых очевидцев, в этот период Алехин начал слишком много пить.

На Олимпиаде 1935 года в Варшаве Алехину уже не удалось стать первым — на первой доске с отрывом в 1 очко выиграл Флор.

В очередной раз произошли изменения в личной жизни. Во время одной из своих поездок он познакомился с Грейс Висхар, вдовой губернатора Марокко, ставшей вскоре его четвёртой женой. Грейс играла в шахматы, выступала в женских турнирах, владела приличным состоянием, но так же, как и сам Алехин, имела пристрастие к алкоголю. Кроме того, Грейс отказалась принять в семью сына Алехина, Александра. Здоровье чемпиона ухудшилось, нервы были расшатаны.

Всё это проявилось в матче на первенство мира с Максом Эйве, начавшемся 3 октября 1935 года. Начав его в обычной для себя уверенной манере, в первых 9 партиях Алехин захватил безусловное лидерство, получил преимущество в 3 очка, казалось, что исход матча предрешён (хотя комментаторы и отмечали, что чемпион играет слишком рискованно). Но после этого чемпион вдруг запил (следует отметить, что эту версию, отражённую во многих изданиях, соперник Алехина Эйве в своих воспоминаниях категорически отвергал) и проиграл несколько партий. Оказавшись в трудном положении, он не смог играть в полную силу, вместо этого впал в депрессию, допустив в результате ещё несколько грубых ошибок. Претендент же играл прекрасно, в полной мере используя все ошибки противника. К концу матча Алехину, казалось бы, удалось собраться, но времени для исправления ситуации уже не осталось. К тому же подвело здоровье. Результат матча: +8–9 =13. Парадоксально (и не умаляя заслуг Эйве), но этот крупный успех оказался

единственным в карьере голландского гроссмейстера — он больше не выигрывал ни в крупных турнирах, ни в матчах, и фактически больше никогда реально не претендовал на мировое первенство.

Во время матча с Эйве в СССР, в газете «Известия» была опубликована телеграмма: «Не только как долголетний шахматный работнику но и как человеку понявший громадное значение того, что достигнуто в СССР во всех областях культурной жизни, шлю искренний привет шахматистам СССР по случаю 18-й годовщины Октябрьской революции. Алехин». Эмигрантские газеты реагировали на это крайне недоброжелательно, а после неудачного для Алехина завершения матча с Эйве не упустили случая позлословить об Алехине, который «битым отошёл к Советам». Алехин получил приглашение на международный турнир 1936 года в Москве, но не принял в нём участия.

На турнире в Ноттингеме в 1936 году Алехина снова постигла неудача — он занял лишь 6-е место, проиграв Капабланке, упустив ничью с Решевским и лишь вничью сыграв с двумя явными аутсайдерами.

Униженный поражением, Алехин поставил себе цель во что бы то ни стало вернуть звание чемпиона мира. Критики, которые в 1935 году предсказывали безоговорочную победу Алехина, теперь в один голос говорили, что у экс-чемпиона нет никаких шансов. Кризис 1935-36 годов был воспринят как признак начавшейся деградации. Но матч-реванш 1937 года расставил всё по местам.

Алехин изучил манеру игры Эйве, подошёл к матчу полностью подготовленным как творчески, так и физически, полностью отказался от алкоголя. Эйве же, видимо, предполагал встретиться с тем же Алехиным, который был побеждён два года назад, и уверился в своей правоте, без больших затруднений выиграв первую партию. Но после четырёх ничьих Алехин добился победы, после которой захватил в матче безусловное лидерство. Победа Алехина была зафиксирована после 25-й партии. Счёт в матче — +10-4=11. Удручённый поражением Эйве вынужден был признать: «Алехин восстановил репутацию сильнейшего среди живущих шахматистов и подтвердил веру в то, что он величайший шахматист всех времён».

Предвоенные годы

Из трёх турниров, сыгранных после возвращения чемпионского звания, в Монтевидео, Маргите и Плимуте Алехин победил в двух первых, в третьем разделил 1–2 места. Выступление на АВРО-турнире в 1938 г., где играли 8 сильнейших шахматистов мира, было неудачным (кстати, как и у Капабланки) — +3–3 =8. Ботвинник, также участвовавший в этом турнире, писал: «Нас мотали по всей стране. Перед игрой вместо обеда — два часа в поезде. Пожилые участники — Капабланка и Алехин — не выдержали напряжения». В микроматче с Капабланкой Алехин выиграл со счётом 1,5:0,5. В том же 1938 году возобновились переговоры о матче с Капабланкой, но из-за неприемлемых финансовых условий претендента они снова ни к чему не привели.

Как писал Ботвинник, после АВРО-турнира он направил Алехину официальный вызов на матч за чемпионское звание, и чемпион ответил согласием, но из-за начавшейся вскоре войны этот матч так и не состоялся. Некоторые исследователи (В. Чащихин) оспаривают реальность этого соглашения, но оно было подтверждено самим Алехиным в интервью английскому журналу «Chess» в 1945 году.

В 1939 году вышла новая книга Алехина «Мои лучшие партии (1924–1937)», в которую вошли, в числе прочего, разборы лучших партий матчей с Эйве и дополнительные комментарии к партиям, которые уже были описаны в более ранних книгах. В августе-сентябре Алехин участвовал в 8-й шахматной Олимпиаде, проходившей в Аргентине. Выиграв 9 партий и сведя вничью 7, он получил максимум очков среди лидеров команд, но первое место досталось Капабланке, который обошёл чемпиона в финальной части турнира. Во время Олимпиады в Европе началась война — Германия напала на Польшу. В связи с этим Алехин и Тартаковер выступили по радио и в прессе с призывом о бойкоте немецкой команды. Обращение встретило поддержку, в запланированных матчах с немцами организаторы засчитали технические ничьи 2:2. После Олимпиады Алехин выиграл два небольших турнира в Южной Америке — в Монтевидео и Каракасе. Многие из европейских участников Олимпиады после начала войны не вернулись домой, оставшись в Америке, но Алехин вернулся.

Война

В 1940 году Алехин с женой сначала жил в Португалии, но после нападения фашистской Германии на Францию он вступил добровольцем во французскую армию, где служил переводчиком, в звании лейтенанта. После оккупации Франции Алехин на некоторое время выехал в Португалию. Продолжились переговоры о матче с Капабланкой. Оба соперника очень хотели сыграть этот матч; амбиции были отставлены в сторону, финансовые условия приняты достаточно скромные, соглашение было вскоре заключено; но Капабланке не удалось достать денег на проведение матча, а кубинское правительство отказало ему в помощи. В результате, матч в 1941 году так и не состоялся, а в 1942-м Капабланка умер.

Жена Алехина Грейс не пожелала уехать к нему в Португалию, поскольку не хотела бросать свой дом в Дьеппе, и так уже подвергшийся разграблению. Чтобы сохранить остатки имущества жены и обеспечить ей самой защиту от репрессий, Алехин был вынужден обратиться к германским властям за поддержкой. Благоразумные немцы охотно вошли в контакт с чемпионом мира, ведь его имя было неплохой рекламой. Спекулируя на положении Алехина, его привлекли к участию в турнирах на территории Рейха. Алехин охотно играл в международных турнирах, иногда проводил сеансы одновременной игры для офицеров вермахта. В одном из таких сеансов он достиг ошеломительного успеха — играя одновременно на 75 досках, выиграл все партии. Турнирные успехи Алехина также были высоки — он был явно сильнейшим из всех участников, уверенно обыгрывал сильнейших немецких шахматистов (счёт с Паулем Пересом — +3 =3, с Клаусом Юнге — +4–1 =1). Поскольку практически всё имущество Алехина и его жены было разграблено, шахматы остались единственным способом получения средств существования.

В январе 1943 года Алехин заболел скарлатиной. Как это обычно бывает, детская болезнь в зрелом возрасте протекала тяжело. Врачам удалось спасти жизнь Алехина, но здоровье его было подорвано.

В октябре 1943 года Алехин выехал на турнир в Испанию и более не вернулся на оккупированные фашистами земли. В Испании Алехин жил в бедности — вялая военная шахматная жизнь не могла дать достаточно средств. Принял участие в нескольких турнирах, с достаточно скромными результатами, выиграл небольшой матч у чемпиона Испании Рей Ардида со

счётом +1 =3. Давал частные уроки подающему большие надежды 13-летнему Артурито Помару (впоследствии — гроссмейстер, неоднократный чемпион Испании), материалы которых свёл в позже опубликованный шахматный учебник «Завет!». Выпустил ещё один сборник, куда вошли партии, сыгранные во время Второй мировой войны (всего — 117, 30 из них — сыграны самим Алехиным).

Последние годы жизни

В 1945 году Алехин был приглашён на турниры в Лондоне и Гастингсе, но приглашения вскоре были отозваны: американская шахматная федерация потребовала от устроителей исключить Алехина из числа участников, угрожая в случае отказа бойкотировать турниры. На Лондонском турнире прозвучали требования лишить Алехина, как коллаборациониста и антисемита, звания чемпиона и объявить ему бойкот — не приглашать на турниры, не печатать его статьи и так далее. Решение о бойкоте принималось в обход ФИДЕ. По сути, это был самосуд. Ни объяснения Алехина, ни тот факт, что далеко не он один играл в турнирах на оккупированных территориях, во внимание не принимались. Одним из организаторов бойкота считают Макса Эйве, который рассчитывал быть провозглашённым чемпионом мира после лишения Алехина титула. Так, сам Алехин знал об этом и писал: «Я не удивился, узнав о протесте Эйве против моего приглашения в турнир. Меня удивило бы обратное».

Далеко не все были против Алехина. Например, Тартаковер не только выступил против бойкота, но и попытался организовать сбор средств в пользу чемпиона.

Все эти события, естественно, не могли не сказаться на состоянии Алехина. Он потерпел неудачу на турнире в Касересе, заняв там второе место после Франциско Люпи — чемпиона Португалии. В январе 1946 года в Эшториле был сыгран товарищеский матч из 4 партий с Люпи. Алехин победил в нём со счётом 2,5:1,5.

После войны возобновляются переговоры о матче на первенство мира между Алехиным и Ботвинником, который рядом успешных выступлений показал основательность своих притязаний на шахматный трон. Алехин начинает усиленную подготовку к соревнованию.

23 марта 1946 года ФИДЕ официально подтвердило факт соглашения о матче Алехин-Ботвинник. Но 25 марта 1946 информационные агентства распространили информацию о смерти Алехина. Он был найден мёртвым в своём гостиничном номере, сидящим в кресле у столика с расставленными в начальной позиции шахматами. Разные издания приводили разные официальные причины смерти. В одних указывалась асфиксия — удушье, наступившее вследствие попадания в дыхательные пути кусочка мяса, в других — паралич сердца, в третьих говорилось, что причина смерти не была установлена

вовсе. Однако современные исследования доказывают насильственный характер смерти великого русского шахматиста.

Алехин был первоначально похоронен в Эшториле. В 1956 году был поднят вопрос о перезахоронении. В СССР изъявили желание перенести останки Алехина в СССР, захоронив их в Москве и поставив памятник. Было получено официальное разрешение португальских властей, но буквально в последний момент, по требованию жены Алехина, прах был перенесён в Париж. Перезахоронение состоялось 23 марта 1956 года. Могила Алехина находится в Париже, на кладбище Монпарнас. На надгробии надпись: «Шахматному гению России и Франции» (на командных соревнованиях Алехин защищал честь команды Франции).

Алехин умер непобеждённым чемпионом — после его смерти ФИДЕ в 1948 году был организован матч-турнир сильнейших шахматистов мира, на котором победителем вышел советский гроссмейстер Михаил Ботвинник.

Творчество

Приверженец яркого атакующего стиля игры, оказавшего большое влияние как на современников, так и на последующие поколения шахматистов. Мощь алехинского гения была такой, что противостоять ему были не в силах даже корифеи того времени. После сокрушительного поражения Арон Нимцович жаловался: «Он расправляется с нами, как с желторотыми птенчиками!». Шедевры Алехина продолжают поражать и сегодня. «Для меня шахматы не игра, а искусство», — говорил великий чемпион. Многие партии Алехина были удостоены призов за красоту игры.

Помимо собственно классических шахмат, Алехин проявил себя как непревзойдённый мастер игры вслепую. Его рекорд — сеанс вслепую на 32 досках, — был побит через пять лет Е. Колтановским, но и после этого многие отдавали в данной области предпочтение Алехину, поскольку он проводил сеансы против весьма квалифицированных противников, достигая при этом высоких результатов. Сам Алехин не видел в игре вслепую ничего сверхъестественного, говоря: «Мне думается, что весь секрет заключается в прирождённой остроте памяти, которую соответствующим образом развивают основательное знание шахматной доски и глубокое проникновение в сущность шахматной игры». Действительно, многие, оставившие воспоминания об Алехине, говорили о его феноменальной шахматной памяти — он помнил все сыгранные партии и даже через несколько лет мог точно повторить и разобрать их.

УБИЙСТВО

По официальной версии, жизнь чемпиона мира оборвалась ночью от «асфиксии, вызванной закупоркой дыхательных путей куском мяса». В полицейском отчёте сказано, что Алехин был найден сидящим в кресле в своём номере. Перед ним стоял накрытый к ужину стол, справа на подставке для чемоданов находилась шахматная доска с расставленными фигурами, а слева на столе лежала книга стихов Маргарет Сотберн, раскрытая на странице, содержавшей строку — «…Это судьба всех тех, кто живёт в изгнании…». Однако, существуют данные, говорящие о том, что гроссмейстер был отравлен в ресторане, умер на улице, а уже затем был перенесён в гостиницу. Следует добавить, что католический священник отказался от участия в погребении Алехина, так как на лице усопшего были следы, свидетельствовавшие о насильственной смерти.

Так или иначе, Александр Алехин ушёл из жизни, не успев получить телеграмму о том, что 23 марта исполком ФИДЕ принял решение о проведении его матча с Ботвинником, не зная, что виза во Францию, которой Алехин добивался длительное время, наконец-то оформлена и выслана ему.

Смерть Алехина оказалась «внезапной» и «преждевременной». О его жизни, творчестве и кончине написано немало. Там, где пишут о творчестве чемпиона, совпадения в публикациях практически полные. Там, где говорится о последних днях его жизни и обстоятельствах смерти — разнобой в значительных деталях, противоречия и даже загадки.

Итак, чем мы располагаем:

— последний, кто видел чемпиона живым, был официант ресторана отеля, принёсший ему вечером ужин, а на другой день в 11 утра тот же официант принёс ему в номер завтрак и первым увидел маэстро мёртвым перед нетронутым ужином;

— последний шахматист, общавшийся с Алехиным, был португальский мастер Люпи, в последний вечер жизни чемпиона выходивший с ним из гостиницы на прогулку;

— перед смертью Алехин анализировал партию Медина — Рико (по Шабурову). Жившему в той же гостинице музыканту Ньюмену о трагедии в гостинице сообщил тот же официант. Ньюмен подошёл к номеру Алехина, но внутрь его не пустили полицейские, а через открытую дверь музыкант увидел Алехина, сидящего в кресле со склоненной на грудь головой и салфеткой на груди;

— вскрытие установило смерть от паралича сердца (по Панову, Шабурову);

— вскрытие установило смерть от асфиксии (удушья) от застрявшего в горле кусочка мяса (по Ферейра);

— доктору, зафиксировавшему смерть, не всё было ясно (по Белице);

— вскрытия не было (по Богатырчуку);

— слева вблизи от трупа лежала раскрытая книга стихов Маргарет Сотберн, раскрытая на странице со строкой: «Это судьба всех тех, кто живёт в эмиграции» (по Шабурову).

А вот что можно разглядеть на посмертной фотокарточке:

— Алехин сидел в кресле в пальто (неужели в гостинице было так холодно в конце марта?), но без салфетки;

— перед ним на столе — пустые тарелки (А где же «нетронутый ужин»? Да и как-то не верится, что официант мог оставить на ночь в номере грязную посуду. (Это в наших гостиницах бывает: пьют, едят и засыпают при грязных тарелках, ложках, вилках и стаканах, а в западных отелях такое немыслимо и имеет оценку — свинство.);

— шахматы расставлены в первоначальной позиции;

— трудно найти книгу с раскрытой назидательной страницей о судьбе эмигранта…

Противоречивость описаний обстоятельств смерти Алехина в сочетании с жёсткой позицией управляющего делами у Л. Берии — генерала С. Мамулова («матч вообще не может состояться») подводят к выводу о насильственной кончине чемпиона мира.

Ботвинник лицемерит, утверждая: «Если бы Алехин пересёк границу, его в нашей стране никто бы и пальцем не тронул!» Давно известно отношение советского правительства к русскому народу, к его лучшим представителям и уж особенно — к антисоветчикам.

В. Лавров: «Дорвавшиеся до власти интернациональные людоеды уничтожали отважное казачество, российскую интеллигенцию, лучшую часть крестьянства» — Валентин Лавров, «Русская сила».

В. Чащихин: А методы уничтожения имели широчайший спектр: от «показательных процессов» (типа «Промпартия») и лагерей смерти — до убийства на улице средь белого дня.

Справка на бензин за подписью Сталина у Ботвинника есть, а хоть какой-нибудь документ, подтверждающий намерения Сталина на матч с Алехиным у Ботвинника отсутствует. Более того — переговоры с Алехиным якобы были, а все письма и телеграммы затерялись…

Да и не мог Ботвинник всерьёз хлопотать о матче с

Алехиным, ибо он сам давно убедился, что: «Алехину образца 1937 года мог проиграть матч любой». Потому-то и был объявлен бойкот, что было сильное желание уничтожить Алехина, а причин для этого — хоть отбавляй, да в качестве повода — вполне достаточно ПЦ (ПЦ — статья «Арийские и еврейские шахматы», опубликованная в «Паризер цайгунг» (18–23 марта 1941 года) за подписью А. Алехина. Полностью эта статья опубликована в выпуске «Ревизии шахмат» — «Развенчание» М.,1997).

Потом был День победы у коммунистов — 9 мая 1945 года. И с этого дня они разгулялись — будучи ПОБЕДИТЕЛЯМИ, они всего требовали, стуча сапогами по столам. И это не гипербола — дело дошло до того, что Н.С. Хрущёв, будучи главой правительства СССР, стучал ботинком (!) по трибуне Организации Объединённых Наций, за что вся наша нация была оштрафована. А в марте 1946 года Алехин вновь мог написать ту же самую статью, но теперь уже без чьей-то редактуры, и чтоб не допустить этого — его убили. «Прогулка Алехина с Люпи накануне смерти — вымысел, ибо Люпи жил в Лиссабоне и лишь изредка приезжал на поезде в Эшторил», — из письма В. Чарушина от 23.04.1997.

В. Чащихин: В книге П. Морано «А. Алехин. Агония шахматного гения» (Мак Фарланд. Джефферсон, США, 1989) приводятся мемуары Франциско Люпи, в которых утверждается, что Алехин сам приехал в Лиссабон к Люпи 22 марта и потом они отправились в ночной клуб (либо С. Железный располагал каким-то другим источником, либо просто перепутал, указав, что прогулка была в Эшториле).

Ф. Люпи: «…Утром в пятницу 22 марта, поднимаясь по ступенькам моей квартиры в Лиссабоне, я увидел кого-то склонившегося напротив двери — в ком, приблизившись через несколько шагов, узнал моего друга. Когда я оказался возле Алехина, его руки нервно схватили рукава моего пальто, и он сказал голосом, который я никогда не забуду: „Люпи, одиночество убивает меня! Я должен жить. Я должен ощущать жизнь вокруг меня. Я уже стёр доски пола в моей ком нате. Возьмите меня в какой-нибудь ночной клуб“.

В последнее время он чувствовал внутри себя динамику жизненных сил. Пока оркестр играл меланхолическое танго, мне было больно наблюдать призрак того, кто был величайшим шахматистом всех времён. Как только мы сели, он снова заговорил о матче с Ботвинником. „Возможно ли это? Состоится ли это?“ Позднее мы разлучились, и это было в последний раз, когда я видел его живым… В воскресенье утром около 10 часов 30 минут я проснулся и был спешно вызван в Эшторил… Алехин сидел в кресле в такой спокойной позе, что можно было

подумать, что он спит. Только немного пены в углу его рта. Медицинское заключение о причине смерти — кусок мяса застрял в горле — оказалось непонятным для меня.» (Перевод В. Чарушина).

В. Чащихин: Из этих высказываний следует, что Люпи был с Алехиным почти весь день 22 марта и расстался с ним в начале 23 марта. А поскольку убийство Алехина было совершено 21 или 22 марта, то Люпи либо убийца, либо выгораживает убийцу, либо этих слов не говорил, а все это выдумки П. Морана. (У Морана и впрямь чрезвычайно много идиотских измышлений, например, на письмо от 8 марта был дан ответ 4 февраля; или — печень достигала правого соска.)

Но в любом случае мемуарам Люпи нельзя доверять! Когда мы наверняка знаем, что нам подсовывают дезинформацию, то это уже весьма ценная информация.

Ф. Люпи: «В послеполуденное время, когда мы проходили мимо кафе, Алехин сказал, избегая смотреть прямо в глаза: „Я должен купить сигарет. У меня их совсем не осталось“.

И попросил меня подождать, пока он сходит в кафе и купит их. Я ждал, но так как он отсутствовал долго, решил пойти вслед. И тогда я увидел, что он взял бутылку портвейна и опорожняет стакан за стаканом».

В. Чащихин: Когда человек врёт или фантазирует, то выстраивает такую концепцию, в которую может поверить сам. Представим картину — дворянин, доктор права, чемпион мира пьёт вино стаканами, да без закуски… Это уже явный перебор, ибо портвейн стаканами может пить только быдло, которое в кафе не ходит. Стаканы предназначены для безалкогольных напитков. А для алкогольных напитков существует самая разнообразная посуда — рюмки, бокалы, фужеры, которые всегда имеются в изобилии в любом кафе. Итак, Люпи — врёт. Однако, этого ему показалось мало и он врёт ещё круче.

Ф. Люпи: «Из гордого, солидного человека, жесты которого выглядели так, как будто они были отрепетированы перед зеркалом, он превратился в призрак, слова которого звучали нервозно, чьи руки, когда он говорил, чахлыми движениями тянулись к вашим».

В. Чащихин: Ну, Люпи врёт — взгляните на посмертный снимок и вы увидите, что труп просто красавчик по сравнению с этим призраком. Полагаю, что Люпи писал под дулом пистолета, а потому вся его галиматья не заслуживает доверия.

Под большим сомнением и такой факт: «Последний, кто видел чемпиона живым, был официант ресторана отеля,

принёсший ему вечером ужин; а на другой день в 11 утра тот же официант принёс ему в номер завтрак и первым увидел маэстро мёртвым перед нетронутым ужином».

Во-первых, надо предположить, что официант носил ужины и завтраки регулярно (ежедневно), а не только в этот день (с 23 на 24 марта) — значит, он мог обнаружить отсутствие Алехина с утра в пятницу 22 марта до 23 марта — то есть в период, когда Алехин был (или — якобы был) у Люпи. По этой причине Люпи и настаивает, что был с Алехиным с утра 22 марта до полудня 23 марта, чтобы скрыть истинную смерть, произошедшую 21–22 марта.

Во-вторых, совершено убийство, а единственный свидетель, который вполне может называться «подозреваемым № 1», ибо топчется возле Алехина с вечера 23 марта до 11 часов 24 марта, по непонятным причинам даже не входит в круг подозреваемых и даже полвека спустя мы не знаем его имени. Из этого следует предположение, что официанты были разные, или… была женщина.

В марте 1946 года А. Котов находился за пределами СССР (в некоторых городах Чехословакии, как он сам расплывчато уточняет) и там узнал о смерти Алехина. Учитывая эти данные, можно прийти к выводу, что только Котов и мог сообщить по телефону Ботвиннику о смерти Алехина.

А. Котов: «Местный шахматист передал трагическую новость: только что получена телеграмма из португальского городка Эсторила — вошедшая утром в один из номеров горничная застала сидящим в кресле мёртвым чемпиона мира по шахматам Александра Алехина. Трагично и нелепо закончилась жизнь одного из самых великих шахматных гениев». — «Алехин — гений комбинаций» («64», 1980 г. — № 12).

В. Чащихин: Вот почему следователь, который вёл это дело, не назвал фамилии официанта, ибо конкретный официант мог внести в дело существенную ясность. Попутно выясняется, что «мальчика-то (официанта)… и не было», а была горничная.

Получается, что следствие проведено неквалифицированно или пристрастно.

Посмертная фотография

Удивительное дело: эта фотография обошла всю шахматную печать, и можно смело сказать, что за полвека её видел каждый, кто хоть в малой степени интересовался шахматами, но никто не заметил в ней ничего особенного.

Вряд ли эта фотография сделана представителем судебно-медицинской экспертизы: на ней запечатлена явная инсценировка композиции, ибо некоторые элементы этой компоновки находятся в противоестественных положениях.

Человек располагает вещи для своего удобства, а поскольку это происходит большей частью на подсознательном уровне, то можно сказать и так: вещи сами располагаются для удобства человека.

Шахматист, анализируя позицию, поставит доску с фигурами прямо перед собой. Если при этом ему нужно делать ещё и записи, то тетрадь окажется чуть сдвинутой от центра в одну сторону, а доска с фигурами будет чуть сдвинута от центра в другую сторону. На фотографии отсутствует тетрадь, а шахматная доска (№ 1) с фигурами лежит не по центру шахматного стола (№ 2) и даже не на углу, а нависла почти наполовину и готова вот-вот упасть, то есть положена явно нарочито, но не для удобства шахматиста, а совсем с другой целью — чтобы попасть в кадр. Итак, шахматная доска расположилась для удобства… фотографа. И другие вещи демонстрируют странную дислокацию.

Большая тарелка, расположенная ближе к трупу, назовём её «суп» (№ 3), накрыта другой тарелкой (№ 4), что и понятно — для сохранения тепла. Но на № 4 нелогично расположились ещё два предмета — блюдце (№ 5), вероятно — с холодной закуской, и крышка (№ 6) от бифштекса. Эта крышка снята с бифштекса (№ 7) специально, чтобы показать зрителю «нетронутый ужин», и можно смело утверждать, что эту крышку положил не Алехин.

Человек, желающий перекусить, не станет воздвигать из тарелок вавилонскую башню, а, беря кусочек мяса, не будет ставить тарелку от себя на самый дальний край стола.

Естественное расположение бифштекса (с которого только что снята крышка) должно быть прямо перед креслом, но бифштекс расположен опять-таки не натурально, зато — ближе к зрителю (к фотографу).

Труп очевидно кем-то впихнут (даже, пожалуй, втиснут) в кресло, и впихнут именно со стороны зрителя, ибо вся пола пальто сбилась в кучу и образует множество складок именно к этой стороне (№ 8). Живой человек, садясь в кресло, непременно поправит пальто, а мёртвый не имеет ловкости так глубоко упасть в кресло, попутно собрав такие складки.

(Учитывая всё перечисленное, можно сказать, что эта фотография должна стать очередной загадкой для историков. Необходимо выяснить: кем и в каком издании она была опубликована впервые.)

Посмертная фотография А. Алехина.

Антонио Дж. Ферейра, доктор медицины: «Я присутствовал при вскрытии Александра Алехина, которое проводилось в Департаменте судебной медицинской школы Лиссабонского университета. Алехин был найден мёртвым в своей комнате в отеле Эшторила при обстоятельствах, которые могли считаться подозрительными и указывающими на необходимость вскрытия для определения причин смерти.

Вскрытие показало, что причиной смерти Алехина явилось болезненное удушье от кусочка мяса очевидно, части завтрака, который оказался в гортани. Однако, не имелось чего бы то ни было, что могло бы свидетельствовать о нечестном поступке: ни самоубийство, ни убийство. Не обнаружилось других заболеваний, которые могли бы вызвать его внезапную и неожиданную смерть». По публикации Йенсена Эневольдсена в «Верден Берете Скак», 1967, сентябрь. (Перевод В.А. Чарушина).

В. Чащихин: Показания доктора медицины Антонио Дж. Ферейра должны заслуживать внимательного рассмотрения, ведь он не только 27 марта присутствовал при вскрытии трупа Александра Алехина… но и указал, что Алехин был найден мёртвым в своей комнате при обстоятельствах, которые могли считаться подозрительными и указывающими на необходимость вскрытия для определения причин смерти.

Но в этот момент, похоже, подошёл тот (который с пистолетом)… и Ферейра уже не разъясняет эти подозрительные обстоятельства. Что, простите? Ах, кусок мяса? Так и запишем.

«Даже полвека спустя патологоанатом Александр Васильевич Алядов, разглядывая фотографию, пришёл к выводу, что Алехин был отравлен примерно за двое суток до фотоснимка. После такого заявления я показал этот снимок некоторым другим патологоанатомам, которые пришли к такому же выводу. Уже внешний вид трупа полностью исключает, что причиной смерти Алехина явилось болезненное удушье от кусочка мяса». - из письма В.А. Чарушина. («Мясо было трёх дюймов длинной и не переваренное» — агентство «Рейтер».)

Пожалуй, стоит серьёзней отнестись к таким словам Ботвинника: «Был слух, что он умер на улице. Лет 15 назад Б. Подцероб прислал мне статью из одного немецкого журнала — там сообщалось, что португальская полиция предполагала, что чемпион отравился».

В. Чащихин: То, что его уже мёртвого впихнули в кресло, «нашли» в горле кусок мяса — эти факты доказывают, что Алехина убили 23 марта и преднамеренно положили в труп свежую пищу, чтобы более раннюю смерть приблизить к 23 марта. Тогда понятно, почему труп Алехина в пальто — убийство было совершено за пределами гостиницы!

Убийца — после того как втиснул труп в кресло — перешёл по другую сторону стола от трупа и, сняв правой рукой крышку (№ 6), отрезал от бифштекса (№ 7) кусочек мяса, чтоб положить его в горло трупу — и мы действительно видим, что все предметы сервировки стола самым удобным образом расположились для фотографа и для убийцы.

Можно привести ещё и другие аргументы, но достаточно и этих, чтобы утверждать: фотоснимок только фиксирует инсценируемую смерть, а это уже означает, что смерть была насильственной. А сам фотограф — если не убийца, то соучастник убийства.

Но утром 24 марта убийца (или соучастник убийства) постоянно находится где-то рядом, на что указывает и салфетка, отсутствующая на фотографии, но которую видел Ньюмен при полицейских. Скорее всего, фотоснимок был сделан 23 марта (или раньше), а утром 24 пристроили салфетку. Нужно искать убийцу (назовём его — Z) среди тех, кто был поблизости.

Ботвинник утверждает, что Б. Подцероб сообщил ему (М. Ботвиннику) по телефону из Португалии о смерти Алехина через три часа. А что такое «три часа» в данной ситуации? Нужно, во-первых, узнать о событии; и тут же новые вопросы: от кого? Сколько времени ушло на это сообщение? И почему сообщили в первую очередь именно Подцеробу? Ведь Алехин и Подцероб

были гражданами разных государств. Необходимо ещё какое-то время, чтобы дозвониться из Португалии в Москву (причём в 1946 году это было сделать намного сложнее и дольше). Ещё новый вопрос: Подцероб звонил из Эшторила, из Лиссабона или всё-таки из Москвы?

Подобных вопросов можно набрать и больше, которые вкупе приведут нас к предположению, что Алехин умер на глазах или даже на руках у Подцероба (если тот действительно звонил из Португалии). Если же Подцероб звонил из Москвы, то Подцеробу звонил убийца Z. Кому мог звонить Подцероб в первый раз? Разумеется — шефу, то есть главному организатору убийства Алехина, то есть Ботвиннику. Подозрительно и то, что Ботвинник очень точно знал дату и час смерти Алехина, но всегда умалчивал об этом.

Из этих данных получается, что Z был очень близок к Подцеробу, который в свою очередь отчитывался перед Ботвинником, как перед шефом всей операции по ликвидации Алехина. Но, несмотря даже на такие веские улики, я вовсе не намерен навязывать читателю версию какой-то причастности Ботвинника к убийству Алехина.

Мы знаем, что труп Алехина обнаружен утром 24 марта при остатках ужина, а это значит, что смерть Алехина уже отодвигается, по меньшей мере, на 23 марта 1946 года.

Так ведь и статья в «Паризер Цайтунг» «Арийские и еврейские шахматы» за подписью Алехина была опубликована с 18 по 23 марта 1941 года. И это совпадение в какой-то мере тоже претендует на роковую роль.

Событий с датой 23 марта обнаруживается так много, что хотелось бы узнать ещё и часы по Гринвичу, ведь телеграмма Британской шахматной федерации тоже отправлена 23 марта, но её истинного текста шахматная общественность пока не знает. Может, в ней был зашифрован приказ киллеру по немедленному уничтожению Алехина — или уже поздравления по случаю удачного убийства.

Пока ясно следующее: Алехин был УБИТ. Убийство произошло примерно 21–22 марта и где-то за пределами гостиницы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из интервью XI чемпиона мира по шахматам Роберта Фишера израильскому журналисту Алексею Осипову (декабрь 2004 г.)

Почему во всех бедах Вы вините евреев?

Потому что они преступники. Они преступники! Холокоста не было! Евреи — лгуны! Лгуны, не имеющие себе равных!

А как же ужасы Второй мировой войны — Освенцим, Треблинка, другие концлагеря?

Ложь! Ложь стопроцентная! Не было ничего подобного! Всё это — дерьмо! Не было газовых камер! Это как в Голливуде. Евреи лгут, они двуличны до невозможности. И не забудьте, что евреи обезображивают маленьких детей на восьмой день их жизни.

Не забудьте этого факта! Евреи выдумали Холокост. Они преступники!

Вы не боитесь ответственности за такие высказывания?

Евреи систематически отравляют мне жизнь годами. В первую очередь, как сообщила ФИДЕ, я уже не чемпион мира. Евреи занесли меня в «чёрные списки», а теперь ещё и обокрали — забрали мои вещи и интеллектуальную собственность, и, в конце концов, упрятали меня за решётку. Они лишили меня моего паспорта. Они оболгали меня, они поносили меня на протяжении продолжительного времени. Они — ублюдки, преступники!

Если, по-Вашему, еврейский вопрос существует, то, возможно, у вас есть и методы его решения?

Сначала люди должны получить информацию об этих паразитах. Евреев нужно контролировать. Затем отменить преступный обряд обрезания. Кстати, это причина, по которой евреев изгнали из Палестины 2 тысячи лет назад.

Евреи — это Ваши личные враги?

Это основные враги всего мира. Это ненормальные люди.

Но ведь Ваша мать Регина была еврейкой по национальности, не так ли?

Еврейская энциклопедия, изданная в 1984 году, говорит о том, что я — не еврей. Только потому что евреи — ублюдочные лгуны, они признали, что я — не еврей, но продолжают говорить, что я всё же являюсь евреем.

Вы верите в бога?

Нет. Я более не верю ни в одного бога.

Есть ли у Вас желание написать какую-нибудь книгу о Вашей жизни?

Пока мне надо выбраться из этого заключения, ведь моя жизнь в опасности.

Какой Вам запомнилась Россия?

Я помню, что был там летом. Все выглядело очень бедным и отсталым по сравнению с США. Я помню симпатичную официантку в отеле, красивый подаренный мне набор шахмат из кожи. Я помню прекрасный метрополитен, в котором я оглядывался, чтобы увидеть агентов КГБ, которые, якобы, преследовали меня. Когда я вышел и оглянулся, то вдруг понял, что меня совершенно никто не преследовал. Я помню парк имени Горького с шахматным уголком с фотографиями известных шахматистов. Правда, сейчас, во время президентства г-на Путина, структуры, подобные КГБ, вновь приобретают силу. Сам Путин из КГБ?

Да, он был офицером КГБ. После матча в бывшей Югославии у американца Фишера возникли проблемы. Кто, кроме Спасского, выступил в Вашу защиту?

Недавно в Японии был Шварценеггер — звезда кино, губернатор и типичный жидовский лизоблюд, объявленный 10–15 лет назад «человеком года» Центром по изучению Холокоста С. Визенталя. Президент Буш-старший присутствовал на этой церемонии. Шварценеггер ничего не рассказывает о своём отце. А его отец воевал на стороне Гитлера во время Второй мировой войны. Шварценеггер — ещё один жидовский прислужник, заслуживающий жалости: стероиды, курение марихуаны. Он перенёс операцию, о причинах которой солгал. Он сказал, что это был якобы врождённый дефект, но всем понятно, что это результат приёма анаболических стероидов и его работы над

телом, пока оно не приняло совершенно невероятные неестественные пропорции. Всё это только навредило его здоровью. Так вот Шварценеггер в 1998 году устроил политический скандал, когда прибыл в Японию без паспорта, но японский министр Накамура позволил ему въехать в страну. Этот министр был его поклонником и после скандала был вынужден подать в отставку. Я же въехал в страну совершенно легально, но меня поджидали в засаде, уничтожили мой паспорт и засадили за решётку. У меня был совершенно нормальный паспорт, и я никому не угрожал, а вот Шварценеггер — полнейший идиот и еврейский прислужник. Он не был арестован, не был депортирован в Нью-Йорк. Американцы — полнейшие выродки. Они бомбили Белград, где разбомбили телестанцию. Это ни имеет ничего общего со свободой слова. Когда война окончилась, годом позже была другая телестанция, которая критиковала Милошевича, который был ещё у власти. Милошевич закрыл эту станцию, не убивая людей. Просто закрыл её и всё. Американцы же разбомбили эту станцию, нарушая свободу слова. США пригрозили, что не дадут Югославии денег, если Милошевич не окажется за решёткой. Американцы считают себя особенными. А я говорю вам, что Буш — отпетый преступник. Я использую нецензурный английский. Теперь это интервью, наверное, запретят?

Не переживайте. Я найду возможность перевести это максимально корректно.

Буш — монстр! Он — еврейская марионетка! Он — долбаное животное!

Приближаются рождественские праздники. Какой подарок Вы хотели бы получить?

Мне нужно политическое убежище. Мой адвокат сказала, что если я получу письмо из какой-нибудь готовой предоставить мне убежище страны, то мы сможем показать это письмо в суде. Затем мы не будем более возражать по поводу депортации, и японцы депортируют меня в страну, готовую принять меня, но не в США. Я попробовал обратиться в Швейцарию, но мне отказали. И я еще должен был послать им 600 франков за полученный отказ. Много евреев — это проблема Швейцарии. Я в ужасе. К сожалению, и там слишком много евреев.

Краткая справка. Роберт Джеймс Фишер

По версии журнала «Chess Informant» — лучший шахматист XX века. Уйдя из большого спорта в середине 70-х годов прошлого века, он ещё более десятка лет лидировал в рейтинг-листе Всемирной шахматной ассоциации (ФИДЕ). Даже в 2001 году он оставался на 4-м месте в рейтинге этой самой авторитетной шахматной организации.

В 1992 году Р. Фишер провёл матч-реванш с Борисом Спасским в Белграде — как раз в то время, когда США ввели экономические санкции против Югославии. Американское правительство прислало ему официальное письмо с угрозами о том, что именно грозит Фишеру в случае проведения матча. Фишер наплевал на это письмо на глазах у журналистов и разорвал его.

ФБР выписало ордер на арест Фишера за «нарушение международных санкций». 13 июля 2004 года при попытке вылететь из Токио в Манилу Роберт Джеймс Фишер был задержан сотрудниками японской пограничной службы. Экс-чемпиона мира избили и отправили в тюрьму для нелегальных иммигрантов, где содержались в основном приезжие проститутки и моряки.

Политическое убежище Роберту Фишеру предоставила Исландия, где он скончался при весьма загадочных обстоятельствах в январе 2008 года в возрасте 65 лет.

Из интервью гроссмейстера Виктора Львовича Корчного еженедельнику «Киевский телеграф» (22–28 июля 2005, № 29/271)

Вы много лет знакомы с Борисом Спасским. Чем можно объяснить появление его подписи под обращением в российскую Госдуму по поводу деятельности еврейских организаций, которое носит явно антисемитский характер?

— Он живёт в Париже, встречается с черносотенцами… Его учителями были гроссмейстеры Толуш и Бондаревский, оба скрытые или явные антисемиты, и даже странно, что Спасский только сейчас проявил себя таким. А вспомните матч 1992 года Фишер-Спасский, который проводился в Югославии, стране, отверженной тогда всем цивилизованным миром. Фишер давал скверные интервью, позволил себе перед телекамерами плюнуть на письмо американского президента. Когда его спросили, является ли он антисемитом, Фишер как-то странно ответил: «Нет, я ничего против арабов не имею!». Вскоре после окончания этого матча я видел Спасского и спросил его: как это Фишер себе позволяет говорить такие вещи? На что Спасский цинично ответил: «А Фишер прав!».

Краткая справка. Спасский Борис Васильевич.

10-й чемпион мира по шахматам (1969 г.)

В 1976 году Борис Спасский, женившись на Марине Щербачёвой (внучке русского белого генерала Д.Г. Щербачёва), уехал из СССР во Францию. С 1978 г. — гражданин Франции.

В 2005 году Б.В. Спасский подписал знаменитое «письмо 500» в Генпрокуратуру России с требованием запретить все преступные еврейские организации.

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

СЛАВЯНСКИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

РУССКАЯ ПРАВДА

www.ruspravda.org

www.rodnovery.ru

НДПР

www.ndpr.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН СЛАВЯНСКИХ ТОВАРОВ

СлавТорг.org

+7 (495) 978-03-48
+7 (499) 794-50-72
+7 (901) 517-03-48
ICQ 359-583-751

СЛАВЯНСКИЕ национально-патриотические КНИГИ, календари, диски, обереги и мн. др.

Бесплатный каталог можно получить, прислав нам конверт с обратным адресом: 117556, Москва, а/я 40

www.slavtorg.org magazin@ruspravda.org

notes

Примечания

1

Непереводимая немецкая игра слов. По-немецки слово СЛАВЯНИН звучит как СЛАВЭ, слово РАБ — как СКЛАВЭ, причём в обоих случаях ударение на первом слоге, поэтому эти слова очень схожи по звучанию. (*Прим. переводчика*).

2

Прессбург — прежнее немецкое название Братиславы. (*Прим. переводчика*).

3

Ботвинник Михаил Моисеевич — 6-й чемпион мира по шахматам (СССР). (*Прим. редакции*.).

4

4 Так у Алехина. Рассказ, однако, называется «Убийство на улице Морг». И ещё одно необходимое дополнение. Поскольку далее даётся двойной перевод, приводим «канонический» текст отрывка на русском языке (цитируется по книге Эдгара По «Избранное». М., 1958. стр. 141–142. Перевод Р. Гальпериной).

«*Между тем рассчитывать, исчислять — не значит ли анализировать. Шахматист, например, рассчитывает, но отнюдь не анализирует. А отсюда следует, что представление о шахматах как об игре, исключительно полезной для ума, основано на чистейшем недоразумении. И так как перед вами, читатель, не трактат, а только несколько случайных соображений, которые должны послужить предисловием к моему не совсем обычному рассказу, то я пользуюсь случаем заявить, что непритязательная игра в шашки требует гораздо более высокого умения размышлять и задаёт уму больше сложных и полезных задач, чем мнимая изощрённость шахмат. В шахматах, где фигуры неравноценны и им присвоены самые разнообразные и причудливые ходы, сложность (как это нередко бывает) ошибочно принимается за глубину. Между тем здесь всё решает внимание. Стоит ему ослабеть, и вы совершаете оплошность, которая приводит к просчёту или поражению. А поскольку шахматные ходы не только многообразны, но и многозначны, то шансы на оплошность соответственно растут и, следовательно, в девяти случаях из десяти выигрывает не более способный, а более сосредоточенный игрок. Другое дело шашки, где допускается только один ход, лишь с незначительными вариантами. Здесь шансов на недосмотр куда меньше, внимание не играет особой роли, и успех зависит главным образом от проницательности игрока*».

И далее: «*Вист давно известен как прекрасная школа для искусства расчёта; известно также, что многие выдающиеся умы питали, казалось бы, необъяснимую слабость к висту и пренебрегали шахматами, как пустым занятием. В самом деле, никакая другая игра не требует такой способности к анализу. Лучший в мире шахматист — шахматист и только, в то время как мастерская игра в вист сопряжена с умением добиваться победы и в тех. более важных областях человеческой деятельности, в которых ум соревнуется с умом*».

5

Чемпион мира по шахматам, известный многим как Алёхин, на самом деле был Алехиным и очень возмущался, когда его фамилию писали и произносили неправильно. Его фамилия — дворянского рода Алехиных, а не производная от фамильярного варианта имени Алексей — «Алёха». (*Прим. редакции.*)